

**ПОЛИНА
ДАШКОВА**

ПИТОМНИК

II

«Астрель»

Полина Викторовна Дашкова
Питомник. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168708

Питомник. Питомник. Книга 2: Астрель, АСТ; Москва; 2008

ISBN 978-5-17-044469-4, 978-5-17-013829-6, 978-5-271-17162-8, 978-5-271-17238-0

Аннотация

Благими намерениями выстлана дорога в ад. Настоящим адом для подростков-сирот стал семейный детский дом в Подмоскowie. «Благодетели», не жалеющие денег на его содержание, с помощью криминальных «учителей» готовят себе достойных помощников, развращая тела и души детей.

Содержание

Глава семнадцатая	4
Глава восемнадцатая	10
Глава девятнадцатая	18
Глава двадцатая	23
Глава двадцать первая	28
Глава двадцать вторая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Полина Дашкова

Питомник

Книга 2

Глава семнадцатая

Человек, позвонивший утром, больше не перезванивал. Ксюша пару раз набрала мобильный номер Олега, но телефон был отключен.

– Ладно, – вздохнула она, кладя трубку, – так даже лучше.

День летел легко и незаметно. Если не считать, что они попали под дождь во время прогулки, ничего особенного не случилось. У Маши было отличное настроение, она улыбалась, смеялась, хорошо кушала, уснула сразу, без слез и нудного укачивания в кровати. Во время ее дневного сна Ксюша почитала учебник биологии, лежа на старинной кушетке в гостиной и поедая свежую клубнику. Лицо ее было измазано красной ягодной мякотью, она вспомнила, как это полезно для кожи, и решила сделать маску. Главное, успеть смыть, пока не проснулась Маша, чтобы не напугать ребенка.

Отложив учебник, она побродила по огромной пустой квартире, прислушиваясь к тиканью старинных часов, к отдаленному гулу Тверской.

– Как замечательно здесь можно было бы жить, – произнесла она вслух, стоя перед зеркалом в ванной и разглядывая свою клубничную физиономию, – если бы я родилась в такой вот квартире, наверное, была бы совсем другим человеком. Я бы с младенчества чувствовала себя важной, нужной, защищенной, я была бы красивей и уверенней в себе. И никогда не случилось бы со мной никакой гадости. Я бы никого, кроме себя, не любила. Я бы выросла классической холодной стервой. От таких сходят с ума. Да, я, пожалуй, стала бы настоящей стервой. Митя ни за что не бросил бы меня тогда, потому что ему, как выяснилось, нравятся исключительно стервы.

Стоило произнести эту последнюю фразу, и сжалось солнечное сплетение. Ксюша включила воду и принялась смывать клубнику с лица. Хрупкое ощущение покоя и счастья треснуло, в душе засвистел черный ледяной сквозняк. Дрожащими руками Ксюша сорвала с вешалки бирюзовое пушистое полотенце, промокнула лицо, приблизила глаза к зеркалу. Когда тебя бросили, собственное лицо может вызвать тошноту.

«Ты думаешь, ты такая красивая? Ну и дура. Ты посмотри на себя: ни кожи, ни рожки».

На минуту ей почудилось, что из зеркала глядит на нее совсем другое лицо. Прищуренные серо-зеленые глазки, мягкий картофельный нос, усыпанный светлыми крупными веснушками, тонкие, как ниточки, губы, круглый рыхлый подбородок.

Эта физиономия, влажная и розовая от радостного возбуждения, до сих пор иногда всплывала перед глазами, причем в самые неожиданные моменты. И тут же начинал мучительно звучать в ушах злобный монолог:

«Я тебе честно, от души, хочу сказать всю правду, а то прямо жалко на тебя смотреть. Смешно и жалко. Ты ведь на самом деле настоящий урод, погляди на себя внимательно. Рот, как у Буратино, да и нос тоже. Видишь, какой у тебя длинный нос. Ты похожа на недоделанного Буратино. Ручки и ножки, как палочки, прямо так и хочется переломать. А глаза? Может, тебе кажется, что у тебя красивые глаза? Да ты с ума сошла, в твои свиные гляделки только взглянешь – и сразу блевать тянет».

Бывшая одноклассница Наташка Трацук заявила к ней домой специально, чтобы добить, уничтожить. Для Наташки никакой рациональной пользы в этом не было, наоборот, ей не стоило ссориться с Ксюшей, она собиралась поступать в Университет, на юридический, и Ксюшин папа бесплатно занимался с ней историей. Она жила в соседнем доме и забегала вечерами, просила растолковать какую-нибудь сложную для понимания тему. Конечно, ей совершенно не стоило ссориться с Ксюшей. Где еще она могла найти такого лопуха, кандидата наук, который будет для нее раскладывать по полочкам Смутное время, войны, революции, рисовать родословные древа русских царей и ни копейки за это не возьмет? Только родители Ксюши, люди странные, бескорыстные до судороги, были способны на такое.

Однако правдолюбие оказалось сильнее здравого смысла. Наташка произносила перед Ксюшей свою вдохновенную тираду, находясь в состоянии почти наркотического кайфа. Ксюша и так погибала, она и без Наташкиных стараний уже знала, что Митя больше ее не любит.

Они с Митей дружили с первого класса. Девочки завидовали, ибо Митя Кольцов считался самым привлекательным мальчиком в классе. Сначала по-детски дразнили «мальчишницей», шушукались и хихикали за спиной. Она не замечала, ей было интересно с Митей, у нее имелся настоящий друг, о таком другие только мечтать могут.

Девочки между собой то смертельно ссорились, то мирились навек, с рыданиями и бурным раскаянием. Их мир напоминал крошечное, но сложное и вполне тоталитарное государство, с частой сменой диктаторов, с заговорами, переворотами, секретными агентами, доносами и даже публичными экзекуциями. Ксюша оставалась в стороне, и если кто-то пытался втянуть ее в общественную жизнь, шепча на ушко: «А ты знаешь, что о тебе вчера на труде девчонки говорили?», она отвечала: «Не знаю и знать не хочу!»

С Митей они жили рядом, в соседних подъездах, вместе возвращались из школы. У обоих родители работали до позднего вечера, и часто они засиживались в гостях друг у друга, вместе делали уроки, смотрели телевизор, иногда просто читали, сидя рядышком на диване.

В сложном переходном возрасте девочки стали тихо сходить с ума. Не все, конечно, но маленькая группа активисток серьезно влияла на остальных, нормальных.

Активистки измеряли всем девочкам в классе носы, талии, длину ног, объем груди, составляли какие-то таблицы и графики, вычисляли, кто первая красавица, кто вторая, третья, и так далее. Озабоченность параметрами внешности постепенно перерастала в массовый психоз. Ксюша оставалась единственной, не внесенной в конкурсный график. Она не давала себя измерять, и однажды, в восьмом классе, это было сделано насильно. Именно Наташка Трацук, активистка общественного психоза, хитростью задержала ее в раздевалке после физкультуры. Кроме Наташки, было еще двое, тоже активистки, началось все с баловства, с игры. Ксюше с хихиканьем и прибаутками скрутили руки, шарфом завязали рот и стали сантиметром обмерять, как будто собирались шить платье. Потом холодная стальная линейка была прижата к ее носу, и как будто нечаянно острым углом ей поцарапали до крови кожу под глазом.

Когда все измерения и подсчеты были произведены, Наташка снисходительно похлопала ее по плечу и сообщила:

– Так я и знала. Пятнашка.

– Что? – отряхиваясь и стараясь придать лицу презрительное выражение, спросила Ксюша.

– Ты на пятнадцатом месте, – объяснили ей, – а думала, небось, будто самая красивая?

В классе было всего пятнадцать девочек, то есть по их кретинской таблице она оказывалась на последнем месте.

– Интересно, а кто же на первом? – спросил Митя, когда она по дороге из школы сказала ему обо всем.

– Разумеется, Трацук.

– А, ну понятно, – засмеялся Митя, – знойная женщина, мечта поэта. В рыболовном магазине червяки продаются, я, пожалуй, куплю грамм сто и насыплю ей за шиворот.

– Ни в коем случае! – испугалась Ксюша.

– Почему?

– Потому, что жалко.

– Кого? Эту гиппопотамиху?

– Нет, червяков.

Был конец февраля, пасмурный темный денек, вода по колено. По крышам с грохотом ходили дядьки в оранжевых жилетах, перекликались матом и сшибали огромные сосульки. Ксюша и Митя шли страшно медленно, потому что корчились от смеха. Они промокли насквозь, замерзли, но все кружили по соседним дворам, не решаясь идти домой. Сквозь смех они случайно поцеловались, впервые по-настоящему, в губы, и после этого обоим было страшно оказаться вдвоем у кого-нибудь дома, но и расставаться не хотелось.

После десятого класса они собирались поступать в Медицинскую академию. Вместе готовились к экзаменам. Митя поступил, а Ксюша недобрала баллов. Сдав экзамены, Митя поехал с родителями на Кипр. Ксюша осталась в Москве, у ее родителей не хватало денег на еду.

Ксюша устроилась санитаркой в больницу, ужасно уставала, но сквозь усталость все сильнее чувствовала, как ускользает от нее то, ради чего она жила на свете, ее счастливая, ясная, детская любовь. У Мити совершенно не было времени. Когда она звонила, он разговаривал сухо, отрывисто, говорил, что страшно занят, в какой-то момент она обратила внимание, что сам он ей с сентября не позвонил ни разу.

Когда в очередной раз он сказал, что занят и вечером встретиться не может, она, вспомнив, что у него осталась какая-то ее книжка, веселым голосом попросила ее вернуть.

– Хорошо, я занесу, – пообещал он.

– Нет, лучше я сама к тебе зайду вечером, – выпалила она.

– Только не сегодня. Я вернусь не раньше двух ночи.

На следующий вечер она опять позвонила, и он, после долгой паузы, милостиво позволил ей зайти.

Его родителей не оказалось дома. Он прямо на пороге протянул ей книгу. Она с мучительной улыбкой спросила, не угостит ли чаем.

– Да, конечно... Только, понимаешь, ко мне должны прийти. Я жду звонка.

– Не беспокойся, как только позвонят, я сразу исчезну.

Когда он наливал чай, руки у него заметно дрожали. Он то и дело косился на часы, на телефон, курил, покашливал. Она пыталась разговорить его, задавала вопросы, он отвечал коротко, иногда вообще не отвечал, не слышал ее и, наверное, не видел. Повисали долгие, невыносимые паузы, Ксюше хотелось встать и уйти, но она не могла наглядеться на него и наконец решила спросить:

– Митя, у тебя есть кто-то?

Ничего глупее нельзя было придумать. Он брезгливо поморщился, покраснел и произнес неприятным высоким голосом:

– Вот только, пожалуйста, не надо выяснять отношения!

Именно в этот момент завизжал телефонный звонок. Митя бросился в соседнюю комнату, по дороге опрокинув стул, и шархнул дверью. Ксюша знала, что именно сейчас надо уйти, исчезнуть, не прощаясь, но как будто примерзла к кухонной лавке и мелкими быстрыми глотками прихлебывала жидкий чай. Он вернулся, едва волоча ноги, тяжело опустился

на табуретку, закурил. Он выглядел таким несчастным, что Ксюша не удержалась, встала и погладила его по голове.

– Что, Митенька, она не придет?

– Нет.

– Но ведь позвонила, – попыталась утешить его Ксюша, – позвонила, предупредила. Мало ли какие у человека могут быть дела.

Он отложил сигарету, уткнулся лицом ей в грудь и пробормотал:

– Ксюшенька, ну почему ты такая хорошая?

Она поцеловала его в макушку, отстранилась, застегнула пуговку на блузке, поправила волосы, широко, ласково улыбнулась и сказала:

– Все, Митя. Я пойду.

Он, не вставая, притянул ее к себе так резко, что она упала к нему на колени, и через несколько минут они оказались в его комнате, на скрипучей узкой тахтенке.

Ей так хотелось, чтобы он произнес хоть слово, но он молчал и как будто спешил, раньше ничего такого не было у них, только целовались, обнимались, оба сопели, но запретной черты не решались переступить. А тут вдруг, когда, казалось, все кончено, он раздевал ее, торопливо, деловито, как будто мстил ей, непонятно за что.

Потом они лежали, уставясь в потолок, и, не выдержав этого ужасного молчания, Ксюша прошептала:

– Она красивая?

– Кто? – спросил он, разворачиваясь и нависая над Ксюшей раскрасневшимся влажным лицом.

– Ну, та, которая не пришла сегодня.

– Да, очень, но тебе не стоит сейчас об этом спрашивать. Запомни, никогда не выясняй с мужчинами отношения, никогда не обвиняй. Это бесит, понимаешь?

– Разве я тебя обвиняю, Митенька?

В ответ он неприятно усмехнулся, легко, пружинисто спрыгнул с кровати, вышел из комнаты и хлопнул дверью. Ксюша стала быстро, бестолково одеваться, никак не могла попасть в рукав блузки, обнаружила, что в спешке он оторвал ей пуговицу на джинсах, наконец кое-как привела себя в порядок, пригладила встрепанные волосы, вышла, увидела, что он сидит на кухне в полосатом махровом халате и курит.

– Ты поняла? – произнес он, не глядя в ее сторону. – Никогда не упрекай, не обвиняй. Будь легкой, веселой, надменной, не смотри жалобными глазами и никому никогда не вешайся на шею. Будь холодной загадочной стервой. Впрочем, у тебя это вряд ли получится.

Ксюша несколько секунд молча смотрела на него, чувствуя, что глаза у нее сейчас именно жалобные, умоляющие, и вот-вот хлынут слезы, но вместо того, чтобы заплакать, громко рассмеялась. – Митенька, никогда не влюбляйся в холодных стерв, – произнесла он сквозь смех, – будь нежным, ласковым, и умоляю тебя, не кури столько, это очень вредно для здоровья. Ешь побольше фруктов и овощей, делай гимнастику по утрам. Все, пока, мой хороший. Не грусти.

На следующий день он позвонил, сказал, что она забыла книгу, за которой приходила, и явился к ней днем, когда она отсыпалась после ночного дежурства в больнице. Родителей не было, и все повторилось, но уже не так торопливо и грубо.

Примерно месяц они встречались почти каждый вечер. Всякий раз, когда с языка готовы были сорваться вопросы: «Митя, она тебя бросила? А что будет, если она вернется?», Ксюша начинала хохотать. Смехом она заменяла и все прочие, важные для нее слова: «Митенька, я тебя очень люблю, не уходи, я умру без тебя...»

– Мы с тобой знакомы с семи лет, ты никогда не была такой хохотушкой, – удивлялся он.

Когда она была у него дома и звучал телефонный звонок, сердце ее подпрыгивало к горлу. Он летел к телефону, сшибая все на своем пути. Потом она всматривалась в его лицо и вздыхала про себя с облегчением: «Уф, пронесло...»

Наконец ей пришлось в голову, что нельзя все вечера подряд торчать дома, это скучно, к тому же проклятый телефон сводит с ума.

Заняв денег на работе, она купила билеты в кинотеатр «Пушкинский», самые дорогие, на вечерний сеанс, на американский боевик со спецэффектами, о котором говорила вся Москва. Митя сказал, что встретятся они у памятника, за пять минут до начала.

Шел проливной дождь, она, конечно, забыла зонтик и прождала полтора часа. Потом, когда совсем окончена, решила позвонить ему из автомата.

– А его нет, – сообщила Митина мама, – он будет очень поздно. Что-нибудь передать?

Ксюше померещился где-то в глубине квартиры чужой, мелодичный женский смех, и Митин урчащий, ласковый голос. Его мама неправильно положила трубку, и Ксюша вместо коротких гудков услышала раздраженный крик:

– Эй, в следующий раз не вынуждай меня врать, сам разбирайся со своими девочками!

Дрожа и заливаясь слезами, она спустилась в метро, доехала до «Баррикадной», перешла на «Краснопресненскую». Там ей посчастливилось сесть в темный вагон. Она забила в уголок и страшно долго ездил по кольцу, пока на «Киевской» не сообщили: «Поезд дальше не пойдет, просьба освободить вагоны». У нее не было сил подняться, тетка-обходчица рывкнула на нее, решив, что она пьяная или под наркотиком. Ксюша вышла и тут же рухнула на ближайшую скамейку. Она уже не плакала, просто сидела как каменная. Поезда подъезжали, мимо валили толпы людей, в основном приезжих, с огромными полосатыми баулами. В дверях то и дело возникала давка. Уезжал очередной поезд, несколько минут было тихо, опять наваливала толпа.

Ксюша все сидела, не двигаясь, как будто спала с открытыми глазами. После полуночи платформа почти опустела. В голове у нее сложилась четкая схема последующих действий. Как только забрезжит белый огонь в туннеле, она встанет, подойдет к краю платформы, закроет глаза и сделает всего один шаг, потому что невозможно жить, когда так больно. Поезда не было долго, наконец загудели рельсы, брызнул свет. «Давай!» –скомандовал внутри нее чужой, властный голос.

И вдруг нечто тяжелое, невыносимо вонючее рухнуло прямо к ней на колени. Пьяный бомж хотел сесть на лавку рядом, но промахнулся. Ксюша рефлекторно оттолкнула его, и старик грохнулся на каменные плиты платформы. Под его головой стало растекаться кровавое пятно, тут же подбежали дежурная, двое милиционеров. Старика подняли, половина его лица была залита кровью. Он бормотал что-то матерное, тяжелым пьяным басом. Ксюша смотрела, как его уводят, точнее, уносят, как он перебирает ногами по воздуху и во всю глотку матерится.

Она кинулась в закрывающиеся двери последнего поезда. Ее била крупная дрожь, а в голове ни с того ни с сего завертелись непонятные числа. Она что-то пыталась подсчитать, и только выйдя на улицу, в ясную лунную ночь, поняла, что у нее задержка три недели.

А на следующий день к ней заявила Наташка Трацук, чтобы высказать всю правду в глаза, и тараторила, не умолкая, втаптывала Ксюшу в землю, уничтожала и пьянела от восторга.

* * *

«Ты урод, с твоей внешностью просто нельзя жить. Тебе надо было родиться в какой-нибудь мусульманской стране и носить паранджу. Это я тебе говорю для твоей же пользы, чтобы ты не воображала себя королевой, это со стороны выглядит дико смешно, над

тобой все смеются, ты знаешь об этом? И очень советую тебе, не звони больше Мите, ты ведь достала его. Вчера мы с ним встретились во дворе, он мне так и сказал: знаешь, говорит, эта уродка меня уже достала».

* * *

...Раньше Ксюша просто рассмеялась бы Наташке в лицо и даже пожалела бы ее. Но теперь она оказалась беззащитной и вдруг поняла, что это на всю жизнь. У нее хватило сил выгнать Наташку вон, но жуткий монолог застрял в памяти надолго и всерьез.

В больнице после очередного дежурства Ксюша зашла в гинекологическое отделение, чтобы договориться со знакомой врачом об аборте, и только хотела открыть рот, как в ординаторскую ввалилась толпа студентов. Это были первокурсники Медицинской академии, она тут же увидела Митю, рядом с ним – яркую высокую брюнетку в бриллиантовых сережках, крикнула: «Привет!», помахала рукой и убежала. Потом, сидя в больничном скверике, наполненном вороньим криком, словно это было кладбище, она вдруг подумала, что ей сейчас так худо вовсе не из-за Мити, не из-за роковой брюнетки. Ей жалко расставаться с крошечным существом, которое растет изо всех сил и уже любит ее, бестолковую, униженную, какую угодно, просто любит, и все.

Именно в этот день выписывался из больницы Олег Солодкин и Галина Семеновна явилась знакомиться с Ксюшей.

«Вот и отлично, – думала она, ловя влюбленные взгляды Олега и любезно улыбаясь его элегантной мамаше, которую все отделение называло миллионершей, – вот и замечательно».

Глава восемнадцатая

– Проходите, присаживайтесь, пожалуйста. Или, может, вы хотите остаться на лужайке? – Изольда Ивановна вскинула руку, указывая на полотняные шезлонги.

Гость исподтишка, сквозь темные очки, разглядывал хозяйку. Даме было под пятьдесят, но выглядела она значительно моложе. Высокая, крепкая, с ярко-голубыми глазами и пышными пшеничными локонами, с ямочками на круглых румяных щеках, Изольда Ивановна светилась здоровьем и оптимизмом. Все в ней было соразмерно, правильно, добротное, широкие плечи, царственный бюст, массивный зад. Яркие пухлые губы, жемчужные ровные зубы. В тоталитарные времена такими персонажами было принято украшать стенды наглядной агитации и официальные праздники, при буржуазной демократии их можно использовать для рекламы маргарина и стирального порошка.

– Благодарю вас, давайте лучше посидим в доме, солнце слишком яркое, к тому же на улице качество записи всегда значительно хуже, – произнес гость, мягко грассируя.

– Ну, как хотите, – улыбнулась хозяйка совершенно маргариновой улыбкой, – а я обожаю свежий воздух, если бы не комары, я бы спала в саду.

– Да, комаров у вас здесь много, – кивнул гость.

– Не то слово. Вечерами просто тучи. Ну пойдете.

Гость, корреспондент французского журнала для родителей «Лез анфан», последовал за хозяйкой в гостиную. Там после яркого солнца казалось почти темно. Корреспондент растерянно огляделся, гостеприимная хозяйка тут же предложила ему сесть в одно из огромных кожаных кресел у журнального столика и спросила с любезной улыбкой, что он предпочитает, чай, кофе или бокал белого сухого вина. Было заметно, что эта дама привыкла принимать у себя корреспондентов, в том числе иностранных. Звонок с просьбой об интервью ее несколько не удивил. Она с удовольствием согласилась рассказать в очередной раз о своем уникальном творении.

– Спасибо, если можно, стакан воды, – улыбнулся корреспондент и добавил, облизнув губы: – Сегодня очень жарко.

– О'кей. – Изольда Ивановна хлопнула в ладоши и глубоким оперным контральто прокричала: – Лариса!

На зов явилась тощенькая девочка лет пятнадцати с рыжими всклокоченными волосами.

– Подойди ко мне, малыш, познакомься. Это корреспондент парижского журнала, господин... – хозяйка повернулась к гостю с виноватой улыбкой.

– Пьер Жермон, – поспешно подсказал тот.

– Ох, простите, память у меня девичья. Да, месье Пьер Жермон, – медленно, словно смакуя иностранное имя, повторила хозяйка, – а это моя Ларисонька, – она ласково взъерошила рыжие патлы.

– Здравсте, – пискнула девочка и презрительно поджала губы, – вы на иностранца совсем не похожи.

– Малыш, принеси-ка нам минералочки холодненькой. И два бокала, сильвупле.

– Щас! – девочка круто развернулась на пятках и расхлябанной походочкой, заложив руки в карманы широких приспущенных джинсов, удалилась в темноту коридора.

– Вы так хорошо говорите по-русски, Пьер, – пропела хозяйка, внимательно глядя на гостя.

На ней были белые льняные шорты, она лихо закинула ногу на ногу, правую щиколотку уложила на левое колено. Взгляд гостя примерз к этим шикарным ногам, идеально гладким,

длинным, с круглыми коленями и широкими ступнями, не меньше тридцать девятого размера.

– У вас нет никакого акцента, просто удивительно, – добавила Изольда Ивановна после некоторой паузы, как бы давая гостю оправиться от восхищения, – только «р» выдает француза. Я учила ваш язык в школе, но у меня никогда не получалось грассировать.

– Моя бабушка была русской, – сообщил гость с легким вздохом, – ну что же, Изольда, давайте начнем. Ох, простите, я обратился к вам без отчества, у нас так принято, а в России считается невежливым, – он достал диктофон, проверил кассету, нажал «запись» и тихо произнес: – Ун, де, тра...

– Да ради бога, называйте, как вам удобней, – пробормотала хозяйка, – нет, погодите, не включайте, я не совсем поняла, кто вам дал мой телефон?

– Разве я не сказал вам? – корреспондент поднял брови и чуть склонил голову набок.

– Вы объяснили, да я забыла. Память девичья.

– Понимаю вашу осторожность, – он растянул губы, – в вашей стране сейчас надо смотреть в оба. Телефон я узнал в редакции журнала «Фам». Собственно, благодаря статье в этом журнале я к вам и приехал. Прочитал о замечательной русской женщине, которая усыновила шестерых сирот, и, получив командировку в Москву, решил встретиться с вами, взять интервью.

– Пятерых, – поправила Изольда, – двое детей мои собственные. Двое, а не один. Старший мальчик Анатолий, ему уже двадцать, младшая девочка Люся, ей недавно исполнилось пятнадцать. Интересно, где загуляла Ларочка? Сколько можно ходить за водой? Лариса!

Послышалось неторопливое шарканье, рыжая девочка возникла на пороге гостиной и встала, прислонившись плечом к притолоке.

– Где ты была, детка? – ласково спросила Изольда.

– В сортире, мамочка, у меня запор. – Лариса сморщилась, сунула в ухо мизинец, поковыряла, потом поднесла ноготь к глазам и сощелкнула то, что выковыряла.

– Малыш, как ты себя ведешь? – Изольда укоризненно покачала головой. – Ты обещала нам минералку принести.

– Ща!

Девочка, пятясь задом, растворилась во мраке коридора, сверкнули глаза и здоровенные фальшивые камушки в ушах. Гулко чмокнула дверца холодильника, звякнули стаканы, через минуту она появилась, поставила воду и стаканы на стол.

– Спасибо, солнышко, – Изольда легонько шлепнула ее по попе, – иди, погуляй. Пожалуй, Ларочка самая сложная из моих деток, – задумчиво произнесла хозяйка, когда они остались одни, – до пяти лет жила с матерью. Чудовище, а не женщина. Приковывала ребенка собачьей цепью к батарее, держала на хлебе и воде, избивала. Такое долго не забывается. Надо очень много любви, чтобы раны, нанесенные в раннем детстве, затянулись.

– Позвольте, я буду записывать? – осторожно спросил корреспондент.

– Ах, да, пожалуйста, – хозяйка открыла бутылку, налила воду в стаканы, – нет, подождите. У меня к вам просьба, – она резко встала, прошла к книжным полкам и откуда-то снизу извлекла яркий толстый журнал «Фам», – не могли бы вы, Пьер, пробежать глазами статью о нашей семье и пересказать мне в двух словах, я забыла французский, дети учат английский, а узнать, что пишут, страшно интересно, – она с улыбкой протянула ему журнал, – кажется, на двадцать пятой странице.

Корреспондент быстро забормотал по-французски, разглядывая глянцево-журнальные снимки. Счастливое семейство за круглым столом. Белая скатерть, розы в хрустале, торт со свечками. Спортивные занятия. Стройные дети в трусах и майках на сверкающем подмосковном снегу. Уютная классная комната. На стене рядышком Пушкин, Толстой, Эйнштейн, огромная карта мира, классический скелет в углу. У компьютера, голова к голове,

две девочки-близнецы, странно, нереально красивые, словно нарисованные. Урок борьбы в спортивном зале. Кимоно. Мужественный широкоплечий учитель показывает худенькому мальчику прием.

– Вам перевести все дословно? – вскинул глаза корреспондент.

– Нет, в общих чертах.

– Здесь речь идет о том, что в России зарождаются традиции усыновления сирот, в советские времена такое было невозможно. Люди, решившиеся подарить брошенным детям семью, испытывают огромные трудности. Но Изольда Кузнецова никогда на трудности не жалуется. Закончив Педагогический институт в Воронеже, она работала воспитателем в детском доме, в своем родном городе, затем вышла замуж и переехала к мужу в Москву, устроилась на работу в интернат для детей-сирот. Муж работал там же. Мадам Кузнецова рассказывает, что чувство несправедливости, жалости к брошенным, обездоленным детям не давало ей спать. Дальше прямая речь. «Я стала болеть, хотя была всегда человеком здоровым. Но что-то со мной произошло. Не могла спать. Думала о детях, за каждого переживала, как за своего собственного, и наконец поняла, что не сумею жить спокойно, пока не сделаю что-то для этих детей», – корреспондент прервался, глотнул воды и спросил: – Ну что, с ваших слов записано верно?

По лицу Изольды скользнула тень. Только что она с нескрываемым удовольствием слушала перевод статьи о самой себе, и вдруг ей стало отчего-то неприятно. Взгляд сделался колючим, ледяным, зрачки сузились до точек. Она довольно долго держала паузу и смотрела в лицо корреспонденту не отрываясь. Он удивленно улыбнулся.

– Неужели допущены ошибки? Вы, кажется, расстроились?

– Я? Нет, ничуть, все правильно. Западные журналисты, в отличие от наших, аккуратны и точны.

– Вот, отлично, давайте с этого и начнем разговор. Позвольте, я включу диктофон. Тема отношения к вам российской прессы здесь не затронута. Или вы хотите, чтобы я переводил дальше?

– Нет, спасибо. Достаточно. Можете включать.

– Замечательно. Итак, мадам Кузнецова, чем же вас обидели журналисты?

– Ну, особенных обид нет. Наоборот. В восемьдесят девятом году пресса и телевидение мне серьезно помогли в борьбе с нашей бюрократией. Благодаря нескольким публикациям и телесюжетам нам с мужем удалось пробиться через тернии всевозможных официальных инстанций. Однако это скучная история. Я не люблю вспоминать о проблемах, которые давно решены.

– Завидую вам, это счастливое свойство. Однако какие-то проблемы все-таки остались нерешенными?

– О, только вечные проблемы. Они есть в каждой семье. Любовь, дружба, учеба, отношения между детьми.

– Я знаю, что год назад вы потеряли мужа. Вам, вероятно, стало значительно трудней.

– Мне бы не хотелось обсуждать это.

– Да. Конечно, извините. Сейчас, кроме вас, кто-нибудь взрослый живет в доме?

– Мне помогает учитель физкультуры, Руслан. Он с самого начала с нами, с восемьдесят девятого года. Я считаю, физическое воспитание едва ли не самое важное для ребенка. У нас есть поговорка: в здоровом теле здоровый дух. Я стремлюсь к тому, чтобы дети мои были не только здоровы, но могли за себя постоять. Руслан мастер спорта по боксу, чемпион России в легком весе. Из-за травмы он ушел из спорта, стал преподавать. После смерти мужа переселился к нам, он очень мне помогает.

– А где он сейчас? Мне бы хотелось с ним познакомиться, поговорить.

– Он в Москве, у своей мамы.

– Вы не могли бы дать мне телефон? Было бы интересно задать ему несколько вопросов, для полноты впечатлений.

– Простите, телефон я вам дать не могу. Но через пару дней Руслан вернется, вы можете приехать еще раз.

– Спасибо за приглашение, обязательно приеду. Я буду здесь еще неделю, так что времени достаточно. Скажите, а как складывались в самом начале отношения между вашими родными детьми и приемными? Не было ревности, соперничества?

– Конечно, первое время всем было трудно. Но есть одно верное средство. Любовь. Я с самого начала приучала детей, и родных, и приемных, к любви и дружбе. Один за всех, все за одного. Такой у нас девиз. Знаете, я пытаюсь объяснять им все как можно образней. Вот показываю руку, – она вытянула вперед пухлую холеную кисть, растопырила пальцы, – разве можно сильно ударить? Нельзя. Пальцы сломаются, и все дела. Но если вот так, – она сжала руку в кулак и увесисто потрясла, – если так, удар получится мощным. Дети меня понимают.

– Да, это очень образно, – кивнул корреспондент, – а как ваши дети отдыхают?

– Мы предпочитаем активный отдых на свежем воздухе, спортивные занятия, подвижные игры. Я же говорю, в здоровом теле здоровый дух.

– Скажите, с кем-нибудь из детей я могу побеседовать? Мне бы хотелось задать несколько вопросов вашей младшей дочери. Кажется, ее зовут Люся?

– Почему именно ей?

– Она девочка, к тому же младшая и, вероятно, наиболее ранима. Мне интересно узнать, как она чувствует себя в такой большой семье, как к ней относятся другие дети.

– Люся чувствует себя отлично, – отчеканила Изольда, – отношения между всеми детьми в нашем коллективе ровные, товарищеские, – она пробуравила переносицу корреспондента совершенно ледяным взглядом, затем демонстративно посмотрела на часы и резко встала. – Какие-нибудь еще вопросы?

– Вопросов много, – вздохнул корреспондент, – но я вижу, у вас больше нет времени. Спасибо, – он выключил диктофон, убрал в сумку.

Изольда проводила его до железных ворот и, открыв их, спросила с маргариновой улыбкой:

– В какой вы остановились гостинице?

– Она называется «Ор-рленок».

– Телефон там есть?

– Да, конечно... Однако я не помню его наизусть, где-то записан, сейчас посмотрю, – он принялся рыться в сумке, потом в карманах, наконец пожал плечами: – От жары я становлюсь рассеянным, все забываю, вот, кажется, забыл визитку гостиницы, там был записан телефонный номер. Но у меня есть моя визитка, – он протянул ей карточку, на которой по-французски было написано: «Пьер Жермон». Хозяйке хватило школьных знаний, чтобы разобрать французское слово «корреспондент», название журнала «Лез анфан», Париж мелко, внизу, там, где обычно помещается адрес.

* * *

– Простите, вы не могли бы открыть окно? – откашлявшись, попросил Илья Никитич начальника районного отделения милиции.

– Не открывается. Забито, – ответил начальник, закуривая очередную сигарету.

– Ну тогда хотя бы включите этот агрегат, – Бородин кивнул на огромный пыльный вентилятор.

– Сломан, – начальник выпустил дым из ноздрей.

– Как же вы работаете в таком прокуренном помещении? – покачал головой Бородин. – Совершенно нечем дышать.

– Вам нехорошо? – пухлые губы майора растянулись в улыбке. – Конечно, в вашем возрасте много сложностей со здоровьем.

– Ладно, Иван Романович, – вздохнул Бородин, – я понимаю, больше всего вам хотелось бы, чтобы я ушел и оставил вас в покое. У вас серьезные неприятности, но вовсе не из-за меня.

– Разумеется, не из-за вас... – майор замер, глядя выпуклыми глазами сквозь Бородина, сделал несколько жадных нервных затяжек, наконец с выразительным вздохом произнес: – Это вряд ли можно назвать неприятностями. Это беда, настоящая беда. Очень жалко парня, молодой, вся жизнь впереди, осталась беременная жена, совсем девчонка, едва исполнилось восемнадцать. И как она справится одна с ребенком, в наше-то сложное время, не представляю.

– Извините, – вкрадчиво произнес Илья Никитич, – когда вы в последний раз звонили в больницу?

– Некогда мне звонить, – махнул рукой майор, – да и зачем? И так все ясно. Ребята пришли, доложили... Кошмар, бедный парень! Ну, мы, конечно, поможем с похоронами и оформим все, как положено, геройски погиб при исполнении, и все такое, хотя, между нами, никакого исполнения там не было. Дежурство у него кончилось как раз утром, домой шел, может, и выпил малость, после ночи, чтоб расслабиться. С кем не бывает? Но, разумеется, мы все оформим, как положено, чтобы жене хотя бы пенсию выплачивали.

– Да, с вашей стороны это чрезвычайно благородно, Иван Романович. Скажите, а о чем беседовал с вами младший лейтенант Телечкин сегодня утром?

– Утром? – выпуклые глаза майора тревожно забегали. – Ах, ну да, он заходил ко мне, буквально за час до несчастного случая.

– За час до чего, простите? – Бородин слегка приподнял брови.

– До того, как попал под машину, переходя проезжую часть на красный свет, – по слогам отчеканил майор, загасил сигарету и тут же закурил следующую.

– Ах, ну да, конечно, – Илья Никитич отвернулся от дыма, искоса взглянул на майора и точно так же, по слогам, отчеканил: – Будьте добры, Иван Романович, постарайтесь припомнить, о чем вы беседовали с младшим лейтенантом Телечкиным сегодня утром в вашем кабинете?

– Можно узнать, зачем вам это? – майор откашлялся и оттянул ворот рубашки, как будто он душил его.

– Если позволите, я объясню чуть позже. Так вы можете мне ответить или нет?

– Я, честно говоря, сейчас уже и не помню. День был тяжелый, все из головы вылетело. Я ведь на земле сижу, в дерьме копаюсь. У меня на участке каждый третий подросток наркоман. И еще рынок на моей территории. Тут вам карманники, кукольники, кидалы, в общем дерьма хватает. Когда только будет в стране порядок?

– И не говорите, – Бородин вздохнул, выдержал сочувственную паузу и елеинным голосом спросил: – Иван Романович, значит, вы не запомнили ни слова из разговора, который длился двадцать пять минут? Вы вызвали Телечкина или он явился к вам по собственной инициативе?

– Откуда вам известно, сколько длился разговор? – майор покраснел и чуть повысил голос.

– Мне ничего не известно, – Илья Никитич широко улыбнулся, – я назвал эту цифру случайно, однако вижу по вашему лицу, что угадал.

– Вы умеете читать по лицам? – усмехнулся майор.

– Иногда, – скромно признался Бородин и тоже усмехнулся, – однако, Иван Романович, не надо быть психологом, чтобы заметить, как не хочется вам рассказывать об утреннем разговоре с младшим лейтенантом.

Взгляд майора стал осмысленным и злым, вытаращенные глаза уставились Бородину в переносицу, губы сжались, на лбу выступили бисерины пота.

– А вам не кажется, товарищ старший следователь, – произнес он тихо и вкрадчиво, – что вы лезете не в свое дело?

– Не кажется, – покачал головой Бородин, – потому, что я задаю вам вопросы, связанные с тем делом, которым сейчас занимаюсь по долгу службы. Поверьте, мною движет отнюдь не праздное любопытство. А что касается утренней беседы с младшим лейтенантом, то, должен признаться, мне значительно важнее было увидеть вашу реакцию, чем узнать, о чем вы с Телечкиным говорили. Ладно, не буду вас напрягать, Иван Романович. Время позднее, вы устали, я тоже. Можно взглянуть на копию заключения о смерти гражданина Рюрикова?

– Это вы о том бомже, который сожигательницу зарезал? – майор прищурился. – Я и так помню. Алкогольная интоксикация.

– И все-таки я хотел бы взглянуть на документ. Если, конечно, вас не затруднит.

– Да ради бога, – майор с треском открыл один из ящиков письменного стола, покопался в нем, вытянул стандартную серую папку, открыл, вытащил заключение о смерти.

– Вы позволите мне взять это с собой?

– Разумеется. Еще могу быть чем-нибудь полезен, товарищ следователь?

– В общем, нет, – Илья Никитич поднялся, – всего доброго, товарищ майор. А в больницу, где лежит ваш сотрудник Николай Телечкин, вы все-таки потрудитесь позвонить, ну, если совсем уж нет времени, поручите кому-нибудь. На всякий случай.

– А что, есть какие-то новости? – откровенно зевнув, поинтересовался майор. – Днем сказали, состояние тяжелое.

Но Бородин не успел ответить, потому что за дверью послышался грохот и отчаянный женский крик:

– Пусти, сказала! Что ты меня хватаешь? Я сама пришла, не убегу!

– А я говорю, нельзя туда! – ревел в ответ возмущенный бас. – Щас здесь ночевать останешься, по хулиганке!

– Ага, разбежался! Останусь! Где начальник?

– Не лезь, дура! Сказал, нету его! Вали отсюда, пока я добрый!

– Что-о? – протяжно пропела женщина. – Ты добрый? Да ты любому глотку перегрызешь!

Скандал подкатывал все ближе, майор встал, распахнул дверь. На пороге застыла лысая женщина в разодранном платье, рядом, вцепившись ей в локоть, стоял маленький, худенький капитан.

– Вот! – выкрикнула женщина. – Так и знала, что ты врешь! Есть начальник! На месте он! – И тут же запричитала совсем другим голосом, тоненьким, жалобным: – Я, гражданин начальник, сама пришла, показания хочу дать чистосердечные, я своими глазами видела, как вашего лейтенантика подрезали.

– Что ты мелешь, дура, – прошипел майор еле слышно, – вон отсюда, сию минуту!

– Ну я же рассказать хочу! Я свидетель! – растерянно пробормотала женщина.

– Вон! – повторил майор и попытался закрыть дверь. – Колесников, убери ее!

– Так, минуточку, – подал голос Илья Никитич, – человек пришел дать показания. В чем дело? Почему вы ее выгоняете?

– Ну, знаете, – взревел майор, – всему есть предел, товарищ старший следователь. Вы превышаете свои полномочия. В конце концов, я здесь начальник и не позволю...

– Иван Романович, – Бородин печально покачал головой, – действительно, предел есть всему. То, что вы собираетесь хоронить младшего лейтенанта и даже не удосужились выяснить, как он себя чувствует, это ладно. Но вам, начальнику отделения, до сих пор не известно, что на вашей территории, с вашим сотрудником, произошел вовсе не несчастный случай...

– А что? – рявкнул майор. – Что с ним произошло? Просветите меня, будьте так любезны!

– Покушение на убийство. Ножевое ранение, – отрывисто произнес Бородин. – Где я могу побеседовать со свидетелем?

– Колесников, проводи в седьмой кабинет! – майор глядел на Бородина с такой ненавистью, что глаза его почти дымились. Илья Никитич любезно улыбнулся.

– А вы кто такой будете? – спросила женщина, когда они остались вдвоем в крошечной комнате с ободранным письменным столом, зарешеченным окошком и таким же огромным вентилятором, как в кабинете начальника.

Бородин представился и попросил женщину предъявить какой-нибудь документ.

– Нету, – вздохнула она, – был паспорт, но я его посеяла. А может, сперли. Новый сделать не могу, денег нет на штраф. Да вы так запишите, Бочарова Марина Геннадьевна, семьдесят второго года.

Бородин слегка приподнял брови, услышав дату рождения. Он думал, ей не меньше пятидесяти.

– Что, выгляжу старше? – она растянула в улыбке щербатый рот. – Это Тверская, гражданин следователь. Ну и зона, конечно.

– По какой статье?

– По сто двадцать восьмой, три года. На наркоте меня взяли. Стукнули свои же, но это давняя история, меня еще не так подставляли, вернее, подкладывали. Вы мне скажите, лейтенантик-то как?

– Жив, – улыбнулся Бородин.

– Ну и слава богу, а то я прямо вся испереживалась за него. Совсем пацан, и сразу видно, хороший человек, настырный.

– В каком смысле – настырный?

– Ну, в самом прямом. Добивается своего.

– И чего он добивался?

– Ну как? Про убийцу расспрашивал и, пока все из нас не вытянул, не успокоился. Мы-то с Ноздрей не особенно хотели с ментом общаться, пардон, конечно.

– Погодите, Марина, про какого убийцу?

– А то вы не знаете? – она прищурилась. – Про того самого, который Симку зарезал, а Рюрика подставил. Ох, я как услышала, прямо обрыдалась вся, – она громко шмыгнула носом, и глаза ее стали мокрыми, – Симка ведь неплохая баба была. Артистка, конечно, хлебом не корми, дай пови выступать, потрепаться о всякой мистике, такое сочиняла, хоть стой, хоть падай. Считала, что дар у нее божественный, людей видит насквозь, как взглянет на человека, так по его лицу всю суть прозревает. Кто-то на самом деле свинья с толстым рылом, кто-то крыса, или, наоборот, ангелочек, пташка небесная. А есть такие, у которых сквозь кожу чернота просвечивает, на голове рожки, во рту клыки, под штанами хвост. Черти в человеческом обличье. Понятное дело, чертями она считала тех, кто лично ее обижал. Ой, ну ладно, я все болтаю, до главного никак не дойду. Жалко Симку, а с другой стороны, может, оно и к лучшему. Отмучилась баба.

– Черти, говорите? С рожками, с клыками? – быстро произнес Бородин. – И когда в последний раз она об этом рассказывала?

– Да постоянно, вот, например, начальника отделения, майора, который сейчас на меня орал и глаза тарасил, – Марина покосилась на дверь и перешла на шепот, – про него Симка

говорила, будто он черт и на самом деле морда у него черная, во рту клыки, на голове рожки красненькие. Как в очередной раз ее заметали, она потом и рассказывала: начальник черт, и капитан Колесников – черт, а участковый Пал Игнатьич – хомяк. То есть не самый противный зверь. А недавно она с каким-то мужиком у помойки поцапалась, и тоже, говорит, он был на самом деле черт с красными рожками. Свежий фингал предъявляла, как доказательство. Я, говорит, его, поганца, схватила за рога, а он мне в глаз кулаком, а я его коленкой по яйцам. Мы с Ноздрей прямо помирали над ней. А она обиделась, что мы смеемся, надулась, но потом забыла обо всем и пошла плясать. В ларьке музыку врубили, Симка была уже с утра бухая, ну и давай выделяться. Вот, кстати, тогда мы с Ноздрей и видели ее, бедненькую, в последний раз. Сегодня утром, когда лейтенантик в метро подошел, мы с Ноздрей про Симку ничего еще не знали, и про Рюрика... Слушайте, а правда, его здесь до смерти забили?

– А? – Илья Никитич тряхнул головой, словно опомнившись. – Нет, не забили. Но он действительно умер.

– Может, тоже к лучшему, – поджав губы, заметила Марина, – отмучился. Какие у него были варианты? Зона при его здоровье все равно смерть, только медленная и мучительная.

– Значит, в метро, во время грозы, к вам подошел младший лейтенант, – напомнил Бородин.

– Ну да, и стал спрашивать про Рюрика, сказал, будто видели, как Рюрик его машину раздел. Мы ему объяснили, Рюрик ни при чем, они с Ноздрей всю ночь продукты грузили. Поговорили, гроза кончилась, из метро толпа повалила, а я чувствую, мне как-то не по себе. Вроде заметила кого-то в толпе, пока мы с лейтенантом разговаривали, но никак не могу понять, кого. Прямо нехорошо мне стало, голова кружится, Ноздря говорит, пойдем к «хотдогам», булочек попросим, а у меня сил нет, ты, говорю, иди, а я за почтой во дворике посижу, там тихо, зелено, народу никого. Стала я площадь переходить, заметила лейтенантика, мелькает в толпе серая спина, народу много, я сама еле иду и вдруг вижу, как-то качнуло его. Пригляделась, мама родная, на кителе, между лопатками, темное пятно. Я еще подумала, где это он так испачкаться успел. Тут как раз зажегся желтый, машины загудели, я скорей рванула на ту сторону, обогнала лейтенанта, мне уже не до него было, я машин боюсь. Только успела перебежать, машины загудели, завизжали, какая-то баба орет как резаная. А лейтенант лежит на мостовой, в двух шагах от тротуара. Я чувствую, сама сейчас помру, рванула изо всех сил подальше оттуда, во двор, упала на газон, думаю, нет, никому ничего не скажу, жить-то и мне хочется, однако потом очухалась, поняла, если не скажу, буду всю жизнь мучиться. У меня даже шрам зачесался. Представляете, пять лет как зарубцевался, а тут вдруг начал зудеть, зараза, – она перегнулась через стол, приблизила к Илье Никитичу опухшее красное лицо, ткнула пальцем в щеку, обезображенную выпуклым косым рубцом, и прошептала еле слышно: – А я ведь узнала его, гражданин следовательно...

Глава девятнадцатая

Ночь была светлой и душевной. Огромный двор в одном из тихих переулков в центре Москвы спал мертвым сном. Даже тополиные листья не шевелились, даже кошки куда-то подевались. Неестественно крупная, с красным отливом луна давала слишком много света, зыбкого, воспаленного, тревожного. Гул Тверской доносился то ли из-под земли, то ли с другой планеты. Но даже в такой глубокой тишине не было слышно шагов одинокого ночного прохожего. Мягкие кроссовки ступали по асфальту совершенно беззвучно.

Он вынырнул из неосвященной арки, быстро пересек двор и исчез в одном из подъездов двенадцатиэтажного дома, построенного буквой «П», фасадом обращенного к переулку, а тылом, жилыми подъездами, – во двор.

Тяжелая металлическая дверь не издала ни звука. При лунном свете черные окна казались сквозными дырами, прорезанными в желтой фанере. Дом выглядел как недоделанная декорация.

Он не воспользовался лифтом, взглянув на часы, машинально засек положение секундной стрелки и рванул вверх по лестнице. Окна на площадках между этажами были открыты настежь, но даже ночью воздух оставался тяжелым и густым. Не воздух, а бензиновый кисель. Сплошные выхлопные газы. Это очень вредно для здоровья.

Белые кроссовки едва касались ступеней. Тонкая синяя футболка промокла насквозь, пот тек в глаза. На десятый этаж он взбежал за четыре минуты сорок две секунды, остановившись у нужной двери, не поленился приложить пальцы к запястью и посчитать пульс. Отлично. Шестьдесят ударов в минуту. Он натянул хирургические перчатки, прислушался к тишине за соседними дверьми. Большинство жильцов разъехалось по дачам и по заграничным курортам. Июнь, к тому же выходные. Ночь с субботы на воскресенье. Тропическая жара в Москве невыносима, особенно для этих свиней, откормленных, одышливых, потливых государственных чиновников. Если кто и остался дома на выходные, то спал очень крепко.

Оказавшись в темной прихожей, он зажег карманный фонарик. Тонкий луч ощупал стену, уперся в электросчетчик. Именно там, рядом со счетчиком, была вмонтирована система отключения сигнализации. Обнаружив, что система отключена, он не удивился. Вероятно, последним уехал из квартиры Солодкин-младший. Он мог забыть не только о сигнализации, но и о собственной башке.

В кухне тихо урчал холодильник, в ванной подтекал кран, стук капель с неприятной ритмичностью долбил душную утробную тишину пустой квартиры. Заглянув в приоткрытую дверь ближайшей комнаты, он понял, что это кабинет, зашел, бесшумно закрыл за собой дверь, опустил жалюзи, задернул тяжелые бархатные шторы, включил свет, критически оглядел старинный дубовый стол. Из шести ящиков два оказались запертыми. Он быстро просмотрел содержимое тех, что были открыты. Ничего интересного. Бумаги, три пластиковые папки с газетными и журнальными вырезками, альбом с семейными фотографиями, старые телефонные книжки и ежедневники, визитки в специальной плоской коробочке. Возможно, для кого-то вся эта ерунда и представляла определенную ценность. Его интересовало другое.

Ключ от запертых ящиков он нашел довольно быстро. Немного подумал и нашел. Хозяйка не отличалась изобретательностью, бросила ключик в мраморный стакан для карандашей и ручек, который стоял тут же, на столе.

Ему определенно везло. В первом же ящике он обнаружил толстенькую пачку долларов. Он не стал стягивать резинку и пересчитывать. Во втором оказалась еще пачка, потоньше, кроме того, старинный золотой портсигар, украшенный вензелем из мелких брил-

лиантов. Внутри лежало штук десять сухих, наполовину выпотрошенных сигарет. Он усмехнулся, пробормотал «Спасибо, такие не курю» и бросил сигареты назад в ящик.

Следующая, смежная комната оказалась хозяйской спальней. Там на туалетном столике стояла красивая лаковая шкатулка. Замочек был с каким-то хитрым секретом. Оглядев шкатулку, он вытащил из кармана складной нож. Тонкое сверкающее лезвие длиной двадцать сантиметров имело необычную ромбовидную форму. Замочек легко поддался. Заиграла приятная тихая мелодия.

Хозяйка любила крупные бриллианты. Очень хотелось взять все, но он сдержался, выбрал то, что показалось ему наиболее ценным. Три кольца с огромными камнями, два явно старинные, одно современное, грубое, неинтересное, но камень такой, что глаза слезятся. Платиновый кулон в форме скрипичного ключа, усыпанный алмазами. Такие же серьги.

Руки в перчатках сильно вспотели и чесались. Очень хотелось пить. Он решил сделать небольшой перерыв, умыться, глотнуть воды. Он погасил свет и бесшумно проскользнул в ванную, оглядев бирюзово-малахитовый интерьер, позолоченные краны со сверкающими синими и зелеными камушками, прошептал:

– Ну, мать вашу, суки! – не удержался и смачно плюнул в нежно-голубое нутро джакузи.

С трудом стянув перчатки, он бросил их на полочку и включил воду. Лицо он мыл тщательно, с мылом. Мыло пахло свежим ландышем. Фыркая от наслаждения, он подумал, не принять ли душ, но тут же отказался от этой соблазнительной идеи. Сквозь шум воды ему почудились странные звуки, как будто совсем рядом жалобно замыкала кошка. Он знал совершенно точно, что Солодкины никаких домашних животных не держали. Впрочем, кошка могла мяукать в соседней квартире. В ванной, как известно, акустика усиливается. Ему стало не по себе, к тому же ландышевое мыло попало в глаза, здорово щипало и никак не вымывалось. Он тихо матюкнулся для бодрости и тут ясно услышал детский плач, шаги и спокойный, сонный женский голос:

– Машуня, ну ты чего? Подумаешь, покакали! С кем не бывает?

Через секунду на пороге появилась девочка лет пятнадцати с младенцем на руках.

* * *

У Ксюши с первой минуты жизни ее ребенка стал стремительно развиваться новый орган, что-то вроде третьего глаза, или дополнительной железы, вырабатывающей гормон тревоги. Активный выброс гормона вызывали автомобили, мчащиеся на большой скорости, люки подземных коммуникаций, кипящие чайники, электрические розетки, колющие и режущие предметы, провод тяжелой настольной лампы, свисающий с высокой полки, разнообразные, безобидные на вид мелочи типа монеток, пуговиц, швейных иголок, бусин, канцелярских скрепок. На людей эта таинственная железа не реагировала еще ни разу.

Увидев в ванной незнакомого белобрысого мужчину в голубых джинсах, белых кроссовках и синей майке, с мокрым лицом и сощуренными глазами, она ощутила мощную болезненную пульсацию в желудке. В голове у нее за долю секунды успело промелькнуть несколько разумных, утешительных объяснений. Если он вошел бесшумно, значит, у него есть ключ от квартиры и магнитная карточка от парадного. Замок на двери очень хитрый, какая-то новейшая немецкая конструкция. Подделать ключ невозможно, открыть отмычкой тоже, во всяком случае так написано в рекламном проспекте. Скорее всего, это один из многочисленных приятелей Олега, и ключи ему дал Олег. Разве грабитель пойдет умываться? Оружия при нем нет, и выглядит он вполне прилично. Надо сначала спросить, кто он и что здесь делает, а потом уж пугаться.

Однако утешительные объяснения испарились без следа. Она чувствовала не только желудком, но всем телом, что ночной гость опасен, как автомобиль с пьяным водителем, как

кипящий чайник на краешке стола. Впервые железа тревоги отреагировала не на предмет, а на человека, причем с невероятной активностью. Ее левая рука сама собой потянулась к полочке у двери, на которой в строю банок и бутылок стоял баллончик с французским дезодорантом. Ей хватило секунды, чтобы схватить баллончик, снять крышку и пустить мощную струю в сощуренные глаза гостя. Он глухо вскрикнул и машинально закрыл лицо. Ванная наполнилась дивным ароматом. Маша, зажатая у мамы под мышкой, заревела так громко, что заложило уши.

Мужчина не успел опомниться, а дверь ванной уже захлопнулась, и щелкнул замок. Он был ненадежный, легко открывался изнутри. Но свет в ванной выключался снаружи, и еще через миг ночной гость остался в кромешной темноте.

Прихватив радиотелефон и ключи, Ксюша выскочила на лестничную площадку, заперла дверь снаружи и набрала «02».

Разговаривать было практически невозможно. Маша кричала во все горло. Женский голос на другом конце провода несколько раз переспрашивал, что случилось, наконец дежурная поинтересовалась адресом и продиктовала номер районного отделения. Маша захлебывалась возмущенным ревом, не понимая, что происходит и почему с нее так и не сняли обкаланный памперс. Ксюша вызвала лифт, дожидаясь его, на всякий случай позвонила в двери соседних квартир, но, как она и предполагала, никто не откликнулся.

В лифте телефон отказался работать. Повторяя вслух, как заклинание, номер районного отделения, Ксюша выскочила из подъезда, присела на лавочку и набрала наконец этот номер.

– Так, девушка, для начала музыку выключим, – потребовал мужской голос.

– Это не музыка, это ребенок плачет! – орала в трубку Ксюша, чувствуя, что сейчас сама зарыдает.

– Ну, так положите его, я вас не слышу.

– Не могу, некуда. Пожалуйста, пришлите поскорей наряд. Очень вас прошу, во дворе никого нет. Он может запросто выйти, у него ключи от квартиры.

– Откуда у него ключи? – хладнокровно поинтересовался дежурный.

Разговор продлился еще минуты три, не меньше. Дежурный учинил ей настоящий допрос и все злился, что плохо слышно. Наконец сердито пообещал, что наряд будет.

Как только в трубке зазвучали частые гудки, Ксюша почувствовала очередной острый приступ тревоги. Ночной гость давно очухался, выбрался из ванной и сейчас выйдет из подъезда. Уже рассвело, он моментально увидит их в пустом дворе, и неизвестно, что придет в его воровскую башку. Она кинулась к детской площадке. Там, кроме качелей и песочницы, имелось довольно хлипкое деревянное сооружение: горка, лесенка, а между ними маленький домик. Ксюша молнией взлетела по щербатой лесенке, потеряв тапочку, и тут же увидела, как открылась дверь подъезда. Усевшись на грязный дырявый пол, поджав ноги, она дала Маше грудь. Но ребенок с возмущением отказался. Порядочный ребенок не ест, когда у него грязная попка, что и пыталась громко, возмущенно объяснить трехмесячная Маша бестолковой маме, которая вместо того, чтобы вымыть ее и переодеть, выбежала во двор и залезла на горку.

– Машуня, тише, пожалуйста, очень тебя прошу, – бормотала Ксюша, наблюдая сквозь маленькое оконце, как парень замер у подъезда и оглядывает двор.

Маша понизила голос, просто потому, что устала от собственного крика, и судорожно всхлипывала, глядя на маму сверкающими от слез, обиженными глазами. А ночной гость все стоял у подъезда, вместо того чтобы рвануть прочь, стоял и озирался, искал Ксюшу, вряд ли для того, чтобы извиниться и объяснить, зачем влез в чужую квартиру. Вокруг не было ни одной живой души. Двор как будто вымер. Ксюше показалось, что взгляд незнакомца остановился на деревянном домике, настоящая, жгучая боль стиснула все ее внутренности, стало

трудно дышать. Они как будто глядели в глаза друг другу, их разделяло метров пятьдесят, не больше. Она видела, что на плече у него висит небольшая спортивная сумка, а в правой руке он держит нечто, очень похожее на пистолет.

– Нет, Машуня, это чушь. У домушников оружия не бывает, – прошептала Ксюша и для убедительности слегка помотала головой, – я знаю совершенно точно, я читала какую-то книжку, не помню, как называется, в общем, путеводитель по криминальному миру. Так вот, Машуня, там написано, что квартирные воры и убийцы – это люди совершенно разных профессий.

Маша перестала всхлипывать и сладко зевнула.

– Он ведь не совсем кретин, – продолжала нашептывать Ксюша, – он должен сообразить, что я уже вызвала милицию и сейчас здесь будет наряд. Большая красивая милицейская машина, а в ней трое, нет, четверо больших красивых милиционеров. У каждого пистолет, дубинка, наручники. Его поймают, повалят на землю, с ним обойдутся очень грубо, но справедливо. А потом мы с тобой будем давать свидетельские показания. Так, ну все, ему пора. Слышишь, тебе пора, придурок, брысь отсюда, ну, пожалуйста, уйди...

Возможно, слишком панически прозвучала последняя фраза, и Маша, вместо того, чтобы задремать, стала медленно, угрожающе кривить губы. Глаза ее опять наполнились слезами. Обычно серьезному реву предшествовала торжественная, очень выразительная пауза. Она длилась около минуты. Ксюша увидела, как спокойно и решительно парень направился к горке, и теперь можно было отчетливо разглядеть, что в руке у него самый настоящий пистолет.

Маша, выдержав паузу, разразилась криком, и одновременно совсем близко взвыла сирена. Парень с пистолетом замер, а потом рванул прямо к горке. Он подскочил к ступенькам. Ксюша уже не видела его, но чувствовала и, медленно развернувшись к фанерной стенке лицом, закрыла собой Машу. Детский крик сливался с воем приближающейся сирены. У парня были железные нервы. Домик качнуло. Ксюша не услышала, а почувствовала сухой деревянный треск. За ним последовал мягкий удар. Ксюша зажмурилась и стала молиться.

Она не знала, сколько это продолжалось. Вой сирены дошел до своего апогея и постепенно затих. Из звуков остался только Машин захлебывающийся плач. Парня с пистолетом уже не было. Железа тревоги могла не только предупреждать об опасности, но умела сигнализировать отбой. Ксюша осторожно выглянула в оконце. Двор был пуст и совершенно спокоен. Ксюша почувствовала, что не может подняться на ноги, во-первых, они затекли, во-вторых, на нее навалилась омерзительная, дрожащая, какая-то желеобразная слабость. Она поняла, что выла не милицейская машина, во всяком случае не та, которую она ждала. Вероятно, это была случайная «скорая», промчавшаяся через двор в соседний переулок. Предстояло решить, что безопасней – остаться в своем ненадежном фанерном убежище, смотреть в оконце и ждать обещанного милицейского наряда или все-таки вылезти, добежать до подъезда, подняться в квартиру, запереться на задвижку и ждать там.

– А если он только спрятался? – прошептала она Маше на ушко. – Он ведь, кажется, совсем псих. Он тоже понял, что машина не та, и теперь сидит где-нибудь поблизости, в кустах.

Она осторожно выглянула в дверной проем со стороны лестницы. Из трех оставшихся ступенек две были сломаны.

– Так вот, оказывается, что затрещало. Злодей прыгнул, досочки не выдержали, – сказала Ксюша чуть громче. – Однако как мы с тобой будем спускаться, Машуня? От горки остались только боковые перекладины, в середине пусто. Высота небольшая, метра полтора. Придется прыгать.

Поудобней прижав Машу к себе, она ступила на край и аккуратно спрыгнула вниз, между перекладинами горки, на мягкий влажный песок. Пространство от детской площадки до подъезда она пролетела за минуту и, только оказавшись в лифте, обнаружила, что, прыгая, все-таки ободрала локоть о перекладину и посадила здоровую занозу в ступню.

Глава двадцатая

Илья Никитич слушал лысую бомжиху, не перебивая. Она говорила долго и вдохновенно. Ей хотелось рассказать о себе. А кому же не хочется? И поскольку такие благодарные слушатели, как следователь Бородин, встречаются крайне редко, Марина не могла остановиться.

История Марины Бочаровой оказалась простой и ужасной. Лет с четырнадцати хорошенькая бойкая девочка повадилась с компанией подружек ездить из скучного подмосковного поселка Катуар в Москву развлекаться и искать приключений. Денег было мало, соблазнов много. Пошлявшись по центру, поплясав на дискотеках, посетив концерт группы «Ласковый май» или какой-нибудь кинотеатр, девочки возвращались домой, ходили в школу. Субботних впечатлений хватало на неделю, потом опять требовалась подпитка, они садились в электричку, приезжали на Савеловский вокзал, оттуда на троллейбусе в центр. Когда было тепло, они часами просиживали на Пушкинской площади, у памятника, глазели на прохожих, обсуждали, кто как одет, охотно вступали в разговоры со всеми желающими.

Но желающих было мало. Несмотря на кофточки с блестками, тугие короткие юбочки, взбитые разноцветные волосы и густые слои макияжа, катуаровские девочки выглядели всего лишь разряженными, разукрашенными провинциальными подростками, жаждущими приключений, и особенного интереса ни у кого не вызывали.

Иногда к ним подкатывали шумные наглые кавказцы, болтали что-нибудь противное, приглашали в кафе, иногда на них обращали внимание тихие деловитые наркоторговцы, предлагали недорого вмазаться, но таких приключений девочки опасались. Хотелось чего-то красивого, яркого, непонятно чего. Впрочем, конечно понятно: больше всего на свете каждой хотелось познакомиться с мальчиком, непременно москвичом, студентом, и чтобы получилась настоящая любовь. Каждой грезилась какая-нибудь киношная белиберда. Коктейли в полутемном баре, медленный танец под Челентано или Джо Дассена, щека к щеке. Романтические нестрашные злодеи лестно пристают к девчонке. Ее спасает благородный отчаянный парень, похожий на солиста модной группы. Потом по таинственному ночному городу (фонари, автомобили, запах дождя и бензина) парень и девушка идут, обнявшись, и он рассказывает ей, как одинок, как ждал всю жизнь ее одну, и они целуются на пустом Тверском бульваре, а что дальше – совершенно не важно. Главное, чтобы все выглядело как в кино и было наполнено шальной и нежной эстрадной романтикой.

Москва, равнодушная, деловитая, глухая к бесхитростным девичьим мечтам, пронеслась мимо, обдавая грязью из-под колес, штрафуя за безбилетный проезд в троллейбусе, толкая в бока острыми локтями, дыша в лицо перегаром и желудочной кислотой, посылая пьяным матом, обжигая надменными, насмешливыми взглядами, которые оскорбительней грязи и мата. Никакой любовью не пахло, совсем наоборот, пахло тоской, помойкой, строительной известкой, мочой из общественных сортиров. Надо было что-то с собой делать, куда-то деть себя, томящихся жаркой юной скукой, в юбочках, которые лопаются на бедрах, как кожура спелого фрукта.

И вот однажды Марина Бочарова решила, что шляться по Москве табунком не имеет смысла. Искать свою красивую любовь в огромном городе надо в одиночку. На одинокую девушку непременно кто-нибудь клонет. Не сказав подружкам ни слова, она отправилась в столицу одна, в будний день. Одевалась без всяких блесков, просто и буднично: узкие джинсы, трикотажная маечка с короткими рукавами. Накрасилась совсем чуть-чуть. Уже в электричке ловила на себе совсем другие взгляды, внимательные, пристальные, ощупывающие круглую крупную грудь под тонкой маечкой, скользящие по выпуклым ярким губам, настоящие,

серьезные мужские взгляды, которых раньше не было. С вокзала отправилась на Калининский проспект.

У нее была хорошая фигурка, милое круглое личико, большие серые глаза. Критически оглядывая себя в зеркалах универмага «Весна», она решила, что в таком скромном «прикиде» выглядит куда интересней. И не ошиблась. Трехчасовая прогулка увенчалась успехом. В подвальной чайной на Гоголевском бульваре к ней подсел вполне приятный парень: короткие темные волосы, умные карие глаза. Круглые очки и аккуратные усики делали его похожим на какого-то актера, Марина все пыталась вспомнить, какого именно. Он угостил ее армянским коньяком, который продавали в чайной из-под прилавка, взял для нее бутерброды с красной рыбой и черной икрой. Рыба оказалась невозможно соленой, икра сухой и твердой, как песок, но Марина так шикарно угощалась впервые в жизни, и под закуску выпила грамм двести коньяка. Сначала она стала заливать новому знакомому, будто живет в Москве, мама у нее главный бухгалтер большого универмага, а папа директор завода, но вскоре расслабилась и выложила все как есть. Ужасно хотелось поплакаться, это дело она вообще любила, становилось легче, если кто-то слушал.

Она рассказала про поселок Катуар, про маму – пенсионерку по инвалидности, пьющую беспросветно, про отца, который сидит за кражу каких-то тракторных деталей, про то, что никому она на свете не нужна, и если что-нибудь случится с ней, никто даже не заметит. Пока рассказывала о своей несчастной жизни, сама так расстроилась, что заплакала.

Парень слушал с искренним сочувствием, гладил по руке, по щеке. Звали его Толик, ему было двадцать три года, он сказал, что учится в каком-то институте, она не запомнила, в каком, впрочем, это не важно. Вскоре выяснилось, что нигде он не учился.

Из чайной они вместе направились в Кинотеатр повторного фильма, смотрели какую-то старую французскую комедию, целовались в последнем ряду полупустого зала. Марину совсем развезло от коньяка и долгих мокрых поцелуев, и не было сил ехать на вокзал, садиться в электричку. Толик взялся проводить ее, повел бесконечными, темными проходными дворами, иногда они останавливались и целовались, зашли в какой-то вонючий подъезд, поднялись по лестнице, Толик говорил что-то про деньги на такси, открыл своим ключом ободранную дверь, провел по длинному полутемному коридору, Марина увидела маленькую нищую комнату с матрацем на полу, и больше всего на свете ей захотелось лечь на этот матрац и поспать. Толик врубил музыку, сказал, что сейчас сварит кофе, но вместо кофе налил ей водки, от которой ее окончательно развезло. Он легко повалил ее на матрац.

Так и не почувствовав ничего, кроме пьяной тошноты и боли в паху, не поняв, любовь ли это или какая-то нудная, утомительная гадость, Марина уснула. Проснувшись, обнаружила рядом с собой уже не Толика, а жирного волосатого кавказца лет пятидесяти. Попыталась орать, но кавказец зажал ей рот потной ладонью, а кто-то еще схватил за руки, больно стиснул запястья. Оказалось, Толик.

Уходя, кавказец оставил на столе деньги, и не маленькие. Толик вручил ей половину суммы, поздравил с первыми бабками, заработанными честным трудом. В тот же день явились еще двое, бритоголовые прыщавые юноши, которые развлекались с ней сначала по очереди, потом вместе. И опять Толик дал ей половину суммы.

Она никак не могла внятно объяснить, прежде всего самой себе, почему не сбежала из грязной коммуналки. У нее была такая возможность, и не раз, однако сначала просто голова кружилась, ноги подкашивались от слабости, потом она слегка ошалела от денег, которые заработала всего за один день, да и вообще вся ее прошлая жизнь, тусклый поселок, где парни начинали пить с десятилетнего возраста, школа, дом, вечно пьяная больная мать, постоянное чувство голода, дрянные дешевые шмотки, скука и безысходность показались ей куда хуже, чем коммуналка с матрацем и усатенький веселый Толик.

«Главное, не спиться и не подсесть на иглу, – рассудила Марина, – каждый зарабатывает, как может. Если будут такие деньги, я себе квартиру куплю и машину, может, потом и замуж выйду за хорошего человека. Москва – не Катуар, здесь можно запросто спрятаться от своего плохого прошлого. А жить надо начинать с денег, иначе пропадешь».

Через неделю она съездила в Катуар, сообщила матери, что поступила в ПТУ, оставила полтинник, собрала вещички и вернулась к Толику.

Несколько месяцев жила в его комнате, в коммуналке, он приводил клиентов. Оказалось, в других десяти комнатах обитают такие же, как она, девушки, но только более опытные и потасканные. Марина первое время оставалась «свежачком», ей едва исполнилось пятнадцать, хотя выглядела она старше. Сутенер Толя держал ее у себя под боком. Хозяином притона был не он. Раз в неделю в квартире появлялся шикарный пожилой дядька в костюме-тройке, с массивными золотыми часами. Он осматривал девушек, выбирал какую-нибудь и увозил с собой. Иногда девушка возвращалась, иногда нет. Между собой его звали Людоедом и боялись все, даже Толик.

Конвейер работал, Марина перестала различать лица, голоса, запахи, страшно уставала и ничего не чувствовала. Избегала алкоголя и наркотиков. В притоне пили и кололись все, отличаться от остальных было невыносимо тяжело, но Марина держалась. Она была пьяной от усталости, иногда делала вид, что уже тепленькая, успела принять дозу, и товарки ее не трогали.

В голове у Марины сложился простой и утешительный план. Она скопит денег на квартиру. На окраинах, в новых домах, можно купить однокомнатную совсем недорого, так вот, она купит через пару лет и распрощается с этой кошмарной жизнью.

Но примерно такие же планы строили почти все обитательницы притона. Шло время, а нужной суммы все не было. Марина считала себя умней других и деньги свои хранила в сберкассе, на расходы оставляла очень мало и копила, копила.

Через полгода в коммуналку заявила милиция с облавой, притон прикрыли. Толик успел уйти через черный ход, взяли только девочек и пару клиентов, подержали в отделении и выпустили.

Потом была череда других притонов, сутенеров, клиентов, Марина все держалась, почти не пила и совсем не кололась и в результате довольно долго сохраняла товарный вид. В восемьдесят восьмом на ее книжке уже лежала вполне приличная сумма, но тут разразилась первая деноминация, и от денег осталась только горькая память. Марина стала работать на Тверской. Там было больше риска, но и денег больше, иногда платили валютой. Именно из-за валюты, из-за вожделенных, надежных долларов, Марина и погорела. Попались щедрые клиенты, она решила припрятать от сутенера полтинник, а напарница, с которой вместе работали, взяла и стукнула. Может, поэтому, а может, были какие-то другие причины, но в итоге при очередной милицейской облаве у Марины при обыске нашли пять упаковок героина.

Три года в зоне оказались для нее передышкой. Она попала в образцово-показательную колонию, шила синие рабочие халаты, участвовала в самодеятельности, просыпалась и засыпала с легкой душой, потому что рядом не было мужиков, клиентов и сутенеров, которых она ненавидела. За примерное поведение ее освободили досрочно. Она решила не возвращаться к прежней постылой профессии, отправилась домой в Катуар, но в квартире в панельном доме жили чужие люди. Мать умерла, отец просто исчез, не вернулся из зоны. Кроме Тверской, ей некуда было деться.

В январе девяносто пятого, стоя на своем посту у метро «Маяковская» в строю терпеливых товарок, Марина так промерзла, что была рада любому, самому паршивому клиенту, лишь бы поскорее выбрал и повез куда-нибудь в тепло. Подъезжали машины, опускались стекла, выглядывали мужские головы, глаза медленно скользили по ногам в тонких колгот-

ках, по лицам, синим под слоями косметики. «Снимали» в ту ночь неохотно. Из-за сильного мороза у девочек был нетоварный вид. Неподалеку в переулке стояла пара сутенерских машин, если становилось совсем невмоготу, можно было сбежать погреться, но тогда рискуешь упустить клиента. Марина терпела, не рисковала, и ей повезло. Притормозил скромный серый «жигуленок», из него выглянул вполне нормальный парень, не старый, не противный, и тут же позвал Марину, договорился с подросевшим сутенером о цене на всю ночь, и Марина нырнула в теплый салон.

Всю дорогу он молчал. Из магнитофона орал тяжелый рок. Он не спросил, как ее зовут, и сам не представился. Но ей это было все равно. Ехали долго, куда-то в Тушино. Остановились у новой двенадцатиэтажки, все так же молча вошли в подъезд. В лифте она разглядела самое обыкновенное, даже приятное лицо. На вид ему было не больше двадцати пяти.

Квартира оказалась крошечной, однокомнатной. Пахло какими-то индийскими благовониями, стены были оклеены мрачными красно-черными обоями и увешаны жуткими африканскими масками.

– Иди в душ, смой всю косметику, – скомандовал он, – и переоденься в то, что там лежит на стиральной машине.

В ванной, отделанной черным кафелем, Марина увидела аккуратную стопку одежды, развернула и тихо ахнула. Черное, глухое и длинное платье из грубой ткани, черный платок, черная шапочка, по форме похожая на церковную маковку. Что-то выпало, звякнуло о кафельный пол. Марина наклонилась и подняла большой серебряный православный крест на толстой цепочке.

То, что происходило потом, когда она, вымытая, с чистым, без косметики, лицом, в монашеском одеянии, переступила порог мрачной комнаты, лучше не вспоминать. Марине прежде приходилось слышать леденящие кровь истории о том, как девочки попадали к садистам, маньякам, и если выбирались живыми, то оставались инвалидами, с изуродованными лицами. Среди ее клиентов иногда встречались психи, которые требовали надевать железный ошейник, наручники, какие-то цепи на ноги или давали плеть, заставляли хлестать себя и от этого получали удовольствие, иногда Марину просили нарядиться в старую школьную форму, коричневое платье, черный фартук, повязать на шею красный галстук. Но чаще случались стандартные неприятности. Снимал один, а в квартире оказывалось несколько мужиков, и вместо одного приходилось обслуживать всех. В такой ситуации следовало быстро добраться до телефона и позвонить своему сутенеру, который высылал на квартиру охрану. А если телефона не было, приходилось терпеть мужскую халяву.

Настоящих садистов Марина еще не видела и надеялась, что с ней такого никогда не случится.

Со стен скалились кошмарные чудища, комната пульсировала от тяжелого рока. Он опрокинул ее на пол, моментальным движением заклеил рот куском пластыря и, ни слова не говоря, принялся избивать ногами. Она пыталась сопротивляться, он стукнул ее по голове каким-то тяжелым тупым предметом, и глаза заволокло розовым туманом. Он прервался только на несколько минут, чтобы перевернуть кассету, потом продолжил. Бил, насиловал, опять бил, жег тело сигаретами, при этом не говоря ни слова и внимательно глядя ей в глаза. Сколько это продолжалось, она не знала. В какой-то момент он отлепил пластырь, сунул ей в рот трубку металлической воронки, стал лить водку. Марина захлебнулась, закашлялась, он поднял ее, встряхнул, шарахнул ладонью по спине, потом опять бросил на пол, как тряпичную куклу. Последнее, что она почувствовала, была жуткая боль, разорвавшая наискосок щеку.

Очнулась она в полной темноте и тишине. Было слышно, как где-то капает вода из крана и совсем далеко проезжают редкие автомобили. Марина не смогла подняться, поползла по комнате и вскоре обнаружила, что в квартире никого нет. Тело ее было сгустком

острой, пульсирующей боли, но особенно сильно болели живот и щека. Телефона в квартире не оказалось. Дверь была заперта наглухо снаружи, а за окном простирался заснеженный пустырь.

Холодильник оказался пуст. Напившись воды из-под крана, она разглядела жуткую рану на щеке. Половина лица была красной, распухшей, она вспомнила, что краснота и дергающая боль означают воспаление. Рана могла нагноиться, ее следовало продезинфицировать, но в квартире не нашлось ни йода с зеленкой, ни даже водки. Вообще ничего. Голая мебель – стол, два стула, тахта, какие-то книжки, почерневший чайник и пара пустых стаканов на кухне. Магнитофон, из которого орал тяжелый рок, исчез вместе с кассетами. Не было ни телевизора, ни радио, никакой одежды, кроме влажного комка черных тряпок – монашеское платье, платок, шапочка. Своей кроличьей белой шубки, сапожек и прочих вещей Марина не нашла.

Она не сомневалась, что вскоре явится хозяин и все продолжится. Он не убил ее только для того, чтобы еще поразвлечься. Натянув черное монашеское платье, пахнущее кровью и водкой, Марина открыла балкон. Она надеялась докричаться до соседей, но вскоре поняла, что бесполезно. Ни справа, ни слева не было света. Далеко внизу, под домом, вдоль пустыря изредка проезжали крошечные машинки. Марина вернулась в комнату, дрожа от холода, шатаясь от слабости, включила воду везде – в ванной, в умывальнике, на кухне, заткнула стоки и стала ждать.

Несколько раз, лежа на голой тахте, она теряла сознание, очнувшись, слушала грохот воды, опять проваливалась в обморочный сон. Неизвестно, сколько прошло времени, но в какой-то момент она услышала настойчивый звонок в дверь и заставила себя встать. Воды было по щиколотку. Марина подошла к двери и, собрав последние силы, крикнула, чтобы ломали дверь, вызывали милицию и «скорую», потому что она умирает.

Потом в больницу к ней приходил следователь, сказал, что садиста ищут, подробно расспрашивал, а позже, когда разрешили врачи, ее повезли на Петровку составлять словесный портрет. Выяснилось, что квартира была снята через третье лицо, которое растаяло в неизвестности. Человека, описанного Мариной, хозяева квартиры никогда не видели, не знали даже имени его. Кто-то из соседей говорил, будто встречал на лестничной площадке похожего мужчину пару раз. Дом был совсем новый, никто никого в лицо не знал. Маринины вещи – белая кроличья шубка, лаковые сапожки, сумочка – ни на толкучках, ни у скупщиков краденого обнаружены не были. Дело так и повисло.

Марина еще довольно долго пролежала в больнице, ей делали несколько полостных операций, пичкали разными лекарствами, и вышла она тяжелым инвалидом, шрам на лице остался навсегда, от лекарств раскрошились зубы, сильно поредели волосы. Деться ей было некуда, на Тверской ее такую, конечно, не ждали. На Савеловском вокзале, на запасных путях, стояли вагоны-отстойники, туда за небольшие деньги обходчики пускали проститутку с неприхотливыми командировочными клиентами. Там и осела Марина. Часто ее трясло от страха, в вокзальной толпе мерещилось кареглазое, вполне приятное лицо, светлый ежик волос. Чтобы хоть иногда забыться, она стала пить, окончательно потеряла волосы и зубы. Однажды встретила старика по прозвищу Ноздря, он взял ее к себе, в бомжовский бесхозный клоповник. Так и жила она, от бутылки до бутылки, пока не выплыло из небытия чудовище с внимательными карими глазами и светлыми волосами.

– Я узнала его, – повторяла она, сидя перед Бородиным и вытирая красным кулаком слезы, – он будет еще убивать, это для него главный кайф.

Глава двадцать первая

Коля Телечкин открыл глаза. Огромная розовая луна смотрела в окно палаты и улыбалась. Было слышно, как шелестят листья, как тяжело, с присвистом, дышит старик на соседней койке, как кто-то ходит и тихо переговаривается в коридоре.

Коля неловко повернулся, из вены выскользнула игла капельницы. Он полежал несколько минут, прислушиваясь к себе, жадно вдыхая тонкую прохладу московской ночи, запах спящего города, пережившего утром страшную грозу, а днем тридцатиградусную жару. Полная розовая луна как будто нарочно приплыла сюда полюбоваться самым счастливым человеком на свете, повисла за распахнутым окном реанимационного отделения Института Склифосовского и улыбалась своим бледным кривоватым ртом ему лично, младшему лейтенанту Телечкину.

Рана у левой лопатки ныла довольно сильно, однако даже боль была счастьем. У мертвых ничего не болит. В голове у Коли мягко проплывали простые, счастливые мысли о том, что вот, он остался жив, и всего через месяц увидит своего ребенка, мальчика. Уже известно, что мальчик, – Алене совсем недавно делали ультразвук. И как хорошо, что никому, ни маме с бабушкой, ни Алене не сказали о ножевом ранении. Они все думают, будто его просто сбила машина, даже не сбила, а всего лишь задела бампером. В реанимацию его положили только на эту ночь, уже завтра утром переведут в общую палату, а через неделю обещают выписать.

Из коридора в приоткрытую дверь заглянула дежурная сестра. В руках у нее был шприц. Старику соседу кололи что-то каждые два часа.

– Не спишь? – шепотом спросила она Колю. – Смотри, капельница у тебя сорвалась. Почему меня не вызвал?

– Да ладно, – улыбнулся Коля, – может, мне уже не надо капельницы никакой?

– Ишь ты, умный. – Сестра содрала пластырь с его руки, быстро все восстановила. – Это витамины, глюкоза, в любом случае не помешает. У тебя кровопотеря приличная. Ох, ты смотри, красота!

У Коли на тумбочке в бутылке из-под «фанты» стояла одинокая огромная чайная роза. Алена вечером принесла большой букет хирургу Ольге Николаевне, а та вытянула один цветок, поставила в бутылку на Колину тумбочку. Вечером лепестки были сжаты в тугую тяжелый бутон, а сейчас вдруг раскрылись.

– Это ж надо, – покачала головой сестра, – если бы ты был умирающий, я бы сказала, что выживешь. Но ты у нас совсем не умирающий, Коля. Я таких счастливых, как ты, еще ни разу не видела. Сто лет теперь проживешь. Ладно, спи.

Сестра ушла. Коля закрыл глаза. Блаженная, сладкая дрема, как в раннем детстве, стала покачивать его на теплых волнах, и сильный мягкий запах чайной розы навевал зыбкие, но совершенно сказочные воспоминания о приморском парке, о полосатой аллее под босыми ногами. Раскаленные сахарно-белые полосы сменялись прохладными, темно синими. На аллею падали ровные тени стволов, а впереди, в проеме между огромными прямыми деревьями, что-то светилось, переливалось, и слышались гулкие радостные крики, тяжелый упругий стук мяча.

Между сном и явью, когда все чувства сгущаются, как тени на закате, и принимают причудливые, фантастические формы, Коля вспомнил то, чего помнить не мог. Мама возила его на море один раз в жизни, когда ему было всего полтора года. Он чуть не утонул, играя с камушками у кромки воды, мама рассказывала, как его снесло внезапной волной, и он сразу наглотался воды и, когда вытащили, был синий, уже не дышал. Но откачали очень быстро, и потом говорили маме, что он будет жить сто лет.

Сейчас про него говорили то же самое. Ему повезло. Лезвие прошло в пяти миллиметрах от сердца и ни одного важного органа не задело. Машина, перед которой он упал на мостовую, на самом деле не сбила его, водитель успел затормозить буквально в сантиметре от Коли и тут же вызвал по своему мобильному «скорую».

Коля очнулся, когда его перекладывали на носилки, еще ни в чем не успели разобраться, ножевое ранение обнаружили только здесь, в «Склифе». И первый, кто пришел к нему прямо сюда, в реанимацию, был следователь Бородин. Оказывается, он позвонил Коле домой, когда услышал его сообщение на автоответчике. Дома Алена билась в истерике, собиралась в больницу. Она узнала о случившемся от начальника отделения, а он, идиот, описал все в самых черных красках.

С Ильей Никитичем они проговорили почти час, на прощание он пообещал, что успокоит Колиных родных, жену, маму и бабушку, они всей компанией сидели в больничном скверике и переживали. И еще Бородин сказал, что, как только Коля поправится, он попробует похлопотать, чтобы младшего лейтенанта подняли с земли в округ и включили в оперативную группу, которая работает по этому делу.

– Вообще, если честно, мое начальство до сих пор не видит в деле судебной перспективы, – признался Илья Никитич, – но, думаю, после твоего ранения все изменится. И еще, я все-таки надеюсь, что мы поймем его раньше, чем ты поправишься.

Лунный свет стал бледней, прохладней. Небо на востоке посветлело, тихо защебетали первые предрассветные птицы. Сосед старик беспокойно ворочался, громко храпел, еще раз зашла сестра, сделала старику укол, понюхала огромную чайную розу, посмотрела на спящего Колю, вздохнула и пробормотала:

– Слава Богу, повезло мальчику. Чуть левее – и в сердце, чуть правее – и спинной мозг пострадал бы. Машиной могло сбить насмерть, но повезло, слава Богу.

Дверь была распахнута. У Ксюши больно стукнуло сердце, ей показалось, белобрысый там, внутри, притаился со своим пистолетом и ждет. Ей даже стали мерещиться шорохи, вздохи, скрип половиц.

«Эй, смотри не свихнись, – одернула она себя, – а что, запросто! Сейчас начнутся галлюцинации, слуховые и зрительные, ты будешь шарахаться от собственной тени, а когда случится что-то реальное, серьезное, ты не заметишь, поскольку психи видят и слышат только то, чего нет».

Ксюша заперла дверь на все замки и на задвижку, вымыла наконец Машу, уложила ее, принялась качивать, но засыпать ребенок уже не собирался. Было почти утро. Маша хныкала, просилась на ручки, для нее все спуталось, день, ночь, она пережила настоящий стресс и теперь никак не могла успокоиться. Ксюшу тоже продолжало трясти, она даже испугалась, что пропадет молоко. Трясущимися руками она пыталась вытащить занозу из ступни, расковыряла кожу, наконец справилась, залепила рану пластырем, замазала йодом ссадину на локте, умылась холодной водой, вернулась к Маше, которая продолжала тихо всхлипывать и смотрела на нее испуганными мокрыми глазами.

В дверь позвонили, когда ребенок наконец уснул, но, стоило отойти от кроватки, опять раздался тихий плач.

– Так что случилось у вас?

Их было трое, один в форме, двое в штатском, но с характерными милицейскими лицами.

– Минуточку. – Ксюша побежала в комнату за Машей, вернулась с ней на руках. Трое в коридоре озирались профессиональными взглядами, один закурил.

Ксюша начала рассказывать, получалось сбивчиво и непонятно. Маша терлась личиком об ее грудь и тихо всхлипывала.

– Значит, вы не слышали, как он проник в квартиру. Проснулся ребенок, вы зашли в ванную, увидели там незнакомого мужчину, который умывался. А зачем он умывался? Если он пришел воровать, зачем бы ему умываться?

– Меня это тоже вначале смутило, но с другой стороны, он ведь думал, что в квартире никого нет, а потому не особенно спешил, вспотел, решил умыться.

– А откуда вы знаете, что он думал, будто в квартире никого нет? Он вам это сказал?

– Разумеется, нет, – поморщилась Ксюша. Странные вопросы ставили ее в тупик, но она решила, что милиционеры просто хотят как следует во всем разобраться, – разумеется, он мне ничего не сказал. Я брызнула ему в лицо из баллончика.

– То есть вы зашли в ванную с газовым баллончиком?

– Да нет же! Я схватила дезодорант, он стоял на полке. Он хотел меня убить, как вы не понимаете!

– Но вы только что сказали, что он думал, будто в квартире никого нет. Не сходится, барышня, совсем не сходится.

– Ну не знаю я, что он там думал! – рассердилась Ксюша. – Я брызнула ему в лицо дезодорантом, заперла дверь в ванную, погасила свет и выбежала из квартиры. А потом увидела, как вышел он, и в руке у него был пистолет. Мы спрятались на детской горке, он нас заметил и шел с пистолетом прямо на нас. Он даже стал подниматься по лестнице, но под ним проломилась ступенька, а потом его спугнула сирена.

– Погодите, – поморщился милиционер, – до пистолета мы еще дойдем. Вы проверяли, что-нибудь пропало?

– Нет, я не успела.

– Интересная вы какая, девушка, – криво усмехнулся тот, что был в штатском и задавал дурацкие вопросы, – в такой ситуации нормальные люди первым делом смотрят, что пропало. А вы вообще-то здесь прописаны? Можно взглянуть на ваш паспорт?

– Да, конечно. – Ксюша сунула руку во внутренний карман ветровки, которая висела тут же, на вешалке, и протянула милиционерам паспорт.

– Так, понятно, Солодкина Ксения Михайловна... С пропиской все нормально. Положите-ка ребенка и посмотрите, пропало что-нибудь или нет. Проверьте деньги, драгоценности.

Ксюша послушно отправилась в комнату, уложила Машу. Конечно, тут же раздался усталый, слабый, но возмущенный плач.

– Сейчас, сейчас, малыш, я приду. – Она отправилась в комнату Галины Семеновны, огляделась. Вроде ничего не изменилось. Где у свекрови лежат деньги, она все равно понятия не имела, а шкатулка с драгоценностями стояла на туалетном столике. Ксюша знала, что там много всяких колец, серег и прочих ювелирных изделий с драгоценными камнями, знала также, что у шкатулки какой-то хитрый замок. Мельком подумав что-то про отпечатки пальцев, она попыталась осторожно открыть шкатулку. Крышка легко поддалась. Сверкнули разноцветные драгоценные камни. На глазок Ксюша не могла определить, что пропало и сколько, если вообще пропало. Шкатулка была почти полной. Однако замок, скорее всего, взломали, потому что вряд ли аккуратная свекровь, уезжая, оставила бы ее незапертой.

Ксюша вернулась в коридор, где нетерпеливо курили уже все трое, небрежно стряхивая пепел на паркет, и рассказала о деньгах и драгоценностях все, что могла рассказать. Из комнаты доносился жалобный Машин плач.

– Простите, я должна ее взять, я плохо соображаю, когда она плачет. А вы, пожалуйста, пройдите вот сюда, в гостиную. – Она побежала за Машей, наспех закутала ее в одеяло, вернулась к милиционерам. Они расположились в креслах у журнального столика.

– Получается, у мужчины был ключ? – спросил милиционер в штатском, самый старший по возрасту и, вероятно, по званию.

- Получается, был, – кивнула Ксюша.
- Значит, кроме вас и ребенка, здесь еще проживают ваш муж и свекровь?
- Да.
- Где они?
- Свекровь отдыхает во Франции, муж на даче.
- А вы знаете всех знакомых вашего мужа?
- Конечно, не всех. Мы женаты только год.
- Понятно. Живете, значит, вместе. И как складываются отношения со свекровью?
- Нормально. При чем здесь наши отношения?
- Да так, к слову пришлось. Мужу-то сколько лет?
- Сорок.
- А вам, значит, девятнадцать. Ну и ну, интересно. Сами-то вы с ребенком почему не на даче? Такая жара в Москве.
- Мне надо было показать дочку врачу, – судорожно сглотнув, соврала Ксюша. – Я вас не совсем понимаю, при чем здесь наш возраст и семейные отношения? – тихо спросила она, но милиционер проигнорировал вопрос и произнес задумчиво:
- Слушайте, а этот мужчина не мог быть просто знакомым вашего мужа, которому он дал ключ и забыл поставить вас в известность?
- Я сначала тоже так подумала, – ответила она и, отвернувшись, дала Маше грудь. Ребенок уже не плакал, только тихо всхлипывал. Было больно смотреть на осунувшееся, бледное личико, на красные припухшие глаза. Кожа вокруг ротика посинела, Маша выглядела совершенно больной, Ксюша еще никогда ее такой не видела. От этого все внутри дрожало, было страшно за ребенка, и голова работала скверно.
- И вы не пытались с этим мужчиной сначала поговорить, выяснить, кто он и зачем? Может, действительно произошло недоразумение? Вы сказали, что брызнули ему в лицо из баллончика дезодорантом. Это, между прочим, небезопасно, – продолжал свой допрос пожилой в штатском.
- Может, он был и не таким уж пожилым, лет сорок, не больше, но физиономия его показалась Ксюше весьма потасканной, как будто даже испитой. Двое других выглядели значительно приятней, но они молчали.
- А что мне оставалось делать? – Ксюша растерянно моргнула. – Я почувствовала, что он опасен.
- Просто почувствовали, и все? – По отечному милицейскому лицу скользнула скептическая усмешка, от которой Ксюшу передернуло.
- Я одна с ребенком, – медленно, четко проговорила она, стараясь смотреть прямо в глаза милиционеру, – ночью, в квартире, я обнаружила незнакомого мужчину. Я что, должна была предложить ему чайку выпить? Я испугалась, это вполне естественно.
- Ну да, конечно. Да вы не волнуйтесь так, Ксения Михайловна. Скажите, кто-нибудь из членов семьи терял ключи? – подал голос второй в штатском. Он был настроен более мирно, даже назвал ее по имени-отчеству, и Ксюша решила по возможности общаться только с ним.
- Я не знаю, я точно не теряла, свекровь тоже вряд ли, а вот муж... он очень рассеянный человек, много работает.
- Это ж где, интересно, надо работать, чтобы такие бабки заколачивать? – пробормотал пожилой. – Квартирка-то крутая какая. При таком богатстве лучше охрану нанимать. Сигнализация хотя бы есть?
- Есть. Но я приехала и отключила. Простите, а при чем здесь бабки? – возмутилась Ксюша. – И при чем здесь крутая квартирочка? Муж зарабатывает не так много, он заместитель главного редактора в журнале «Блюм». А у свекрови антикварная фирма.

– Ну, понятное дело. Антиквариат. Так на чем мы остановились? На ключах? Вот видите, вы даже не знаете, терял ли кто-нибудь ключи. Небошь еще и домработница есть?

– Есть. И что? У вас все состоятельные люди вызывают неприязнь? – Ксюша постаралась улыбнуться в лицо милиционеру как можно надменней, однако чувствовала, что улыбка вышла жалкая.

– Так, девушка, ты здесь не очень-то выступай. Может, ты вообще все выдумала, – он гнусно подмигнул, – у свекрови-то небошь навалом и бабок, и цацок, она жадничает, а тебе тоже хочется? Кое-что припрятала на черный день. Мужу сороковник, наверняка ты у него не первая, жены приходят и уходят. Мало ли, как сложится жизнь? Верно я говорю, а? – Он опять подмигнул. – Вот ты и выдумала какого-то мужчину в ванной с пистолетом, для достоверности милицию вызвала, и здесь нам лапшу на уши вешаешь.

– Скажите, а что такое цацки? – после долгого ошалелого молчания невинным голосом поинтересовалась Ксюша.

– Ладно, не прикидывайся, видали мы таких.

– Ну что я вам плохого сделала? – Ксюша не выдержала, громко всхлипнула. Маша, которая к этому времени уже наелась и заснула на руках, вздрогнула, открыла глаза, скривила ротик, собираясь заплакать. – Ш-ш, – сказала ей Ксюша, – на самом деле эти дядьки не такие злые, просто они устали, и зарплата у них маленькая.

– Ты кончай придуриваться, гражданка Солодкина, – рявкнул пожилой, – нечего из нас злодеев делать! Все очень недостоверно у вас выходит, понимаете или нет? Пистолет какой-то выдумали. – Он багровел, повышал голос, перескакивал с «ты» на «вы» и обратно, что выдавало в нем тайного психопата.

– Господи, ну почему, почему выдумала? Он чуть не убил нас, он бегал за нами с пистолетом.

– Может, вам это померещилось? – улыбнулся милиционер в форме. – Я вижу, вы девушка нервная, воображение у вас богатое. Мало ли что у него могло быть в руке? Сотовый телефон, зажигалка. Вы ведь издалека на него смотрели, близко он к вам не подходил. Вдруг со страху вы обознались, а, Ксения Михайловна? Знаете, бывают такие зажигалки-пистолеты, издали действительно очень похоже.

– Ничего мне не померещилось! А если бы он подошел ближе, нас бы уже не было. И вообще я не понимаю, почему вы со мной так разговариваете? У меня ребенок всю ночь не спал, посмотрите, какая она бледненькая, у нее настоящий шок, и у меня тоже, а я, между прочим, кормящая мать. – Она чувствовала, что говорит что-то совсем не то, но с трудом справлялась с собой, едва сдерживала слезы, во рту пересохло, сердце колотилось все быстрее.

– Ладно, кормящая мать, вы все-таки посмотрите внимательно, пропало что-нибудь или нет. Вон сколько здесь у вас картин, статуэток всяких. Одно слово, антиквариат. Прямо музей, а не квартира. Тут сигнализации мало, тут правда вооруженная охрана требуется. Вы нас тоже должны понять. Знаете, что такое признаки преступления?

– Догадываюсь, – тяжело вздохнула Ксюша, – вы хотите сказать, что если ничего не пропало из квартиры, значит, нет признаков преступления? А то, что он незаконно проник в квартиру, это разве не признак? А пистолет? Давайте я напишу заявление.

– И о чем собираетесь заявить?

Ксюша стала догадываться, в чем дело. Им всем троим ужасно не хотелось возиться. Им было просто лень, вот и все. Она знала по фильмам и книгам, что если возбуждается уголовное дело, то его надо вести, и если в течение какого-то определенного срока оно не раскрывается, у милиционеров бывают неприятности. К тому же вид чужого богатства вызывал у них вполне понятные и простые чувства.

– Я собираюсь заявить о том, что ко мне в квартиру проник неизвестный, вооруженный пистолетом, и пытался меня убить, – проговорила она как можно спокойней и жестче, – и еще я заявлю о том, что вот этот ваш сотрудник, – она кивнула на пожилого, – кстати, позвольте узнать вашу фамилию и звание.

– Капитан Смачный, – буркнул пожилой и в очередной раз налился малиновой кровью, – можешь жаловаться сколько душе угодно, только смотри, чтобы потом не раскаяться. Будет тут мне всякая сопля указывать, – добавил он чуть слышно и сделал такое лицо, будто собирался сплунуть на сверкающий дубовый паркет, однако сдержался.

– Ваш сотрудник капитан Смачный оскорбляет меня. Это, между прочим, тоже статья.

– Ксения Михайловна, – покачал головой тот, что был в форме, – вы же умная девушка, вас тут никто не оскорблял. Вот мы двое – свидетели, никаких оскорблений со стороны капитана Смачного в ваш адрес не было. Просто вызов показался нам странным. В квартире никаких следов взлома, грабежа, вы живы, здоровы, ребенок тоже. Знаете, сколько у нас бывает всяких ложных вызовов, когда людям кажется, что кто-то на них покушался, а потом выясняется, что все померещилось, или того хуже... Ладно, давайте успокоимся и не будем скандалить.

– Я не собиралась с вами скандалить. Я всего лишь вызвала милицию, когда на меня напали. Это что, преступление? Между прочим, если бы вы приехали по вызову сразу, а не через полтора часа, вы бы его наверняка поймали.

– Ксения Михайловна, – сладким голосом пропел молодой в штатском, – давайте-ка успокоимся. Лучше скажите, когда приедет ваш муж в Москву?

– Не знаю, – буркнула Ксюша.

– А чего так? Поссорились?

– Нет. Просто не знаю, и все.

– На даче есть телефон?

– Есть. А что?

– А то, что надо бы мужу вашему позвонить.

– Не надо! Он болен! Он там работает, статью пишет, его нельзя беспокоить.

– Так болен или работает? – Молодой в штатском прищурился и склонил голову набок. – Извините, Ксения Михайловна, но ситуация действительно кажется странной. У вас с мужем, как мы поняли, сложные отношения, со свекровью, наверное, тоже. Может, вы просто пытаетесь свести с ними счеты?

«Может, им взятку дать? – с тоской подумала Ксюша. – Но, во-первых, если дать, то сколько? А во-вторых, вдруг окажется мало и они меня вообще арестуют. Кстати, они с большим удовольствием это сделают. Господи, ну что за бред, в самом деле? Я не преступница, я ни в чем не виновата, по какому праву они со мной так разговаривают?»

– Значит, вы, господа милиционеры, не собираетесь искать преступника? Вам было бы удобней, чтобы я все выдумала? Ладно, пусть это останется на вашей совести. Спасибо вам большое, что приехали. И за совет спасибо. Я обязательно скажу свекрови, чтобы она наняла вооруженную охрану. Всего доброго, – она осторожно поднялась, – можете не беспокоиться, жаловаться я никому не буду.

Несколько секунд было тихо. Ксюша стояла посреди комнаты с ребенком на руках. Трое милиционеров сидели в креслах и молча на нее смотрели. И тут она все-таки сорвалась, слезы сами собой брызнули из глаз, она уткнулась лицом в Машино одеяльце и сдавленно пробормотала:

– Уйдите, пожалуйста, очень вас прошу.

Они поднялись как по команде, направились в прихожую, не говоря ни слова. Когда дверь за ними захлопнулась, Ксюша как следует наплакалась, успокоилась, легла спать,

положив Машу рядом с собой. Спали оно долго, до двух часов дня, и проснулись от настойчивого звонка в дверь.

А трое милиционеров молча спустились в лифте, вышли на улицу, и только когда сели в машину, один из них заговорил.

– И чего ты на несчастную девку набросился? – спросил капитана Смачного старший лейтенант Прохоров, тот, что был в форме. – Все-таки молодая мамаша, к тому же кормящая. Может, она и не врала.

– Может, и не врала, – кивнул Смачный, – просто я таких, богатеньких-умненьких, в принципе ненавижу, по жизни.

Глава двадцать вторая

Варя Богданова позвонила Бородину в начале второго ночи.

– Записывайте адрес, – сказала она, извинившись за поздний звонок.

Адрес оказался московским. Продолжая разговаривать, Илья Никитич открыл ящик, достал список детских учреждений, которые были уже проверены оперативниками, пробежал его глазами и тут же обнаружил адрес интерната для детей-сирот с задержкой развития, названный Варей.

– Что, только этот?

– Ну, я узнала только про этот. Он туда несколько компьютеров купил, отправил машину игрушек и сладостей. Интересно, зачем детям с задержкой развития компьютеры?

– Больше никакой информации?

– Да вроде нет.

– Слышу сомнение в голосе.

– Это усталость, Илья Никитич. Зевота скулы сводит.

– Ну да, тебе сейчас надо спать побольше.

– Ага. Спокойной ночи.

– Подожди, не вешай трубку. Может, ты мне расскажешь, почему так напряглась, когда я спросил тебя о фирме «Галатея»?

– Может, и расскажу. Но не по телефону.

– Что, боишься, нас слушают? – усмехнулся Илья Никитич.

– Нет. Просто пока не решила, надо ли.

– Долго собираешься решать?

– Не знаю, Илья Никитич. Да что вы привязались к этой «Галатее»?

– Именно из-за твоей странной реакции, Варюша. Если бы ты сразу спокойно мне все объяснила, я не стал бы сейчас тебя изводить вопросами. Но ты испугалась, побледнела, замяла разговор. Я ведь хорошо тебя знаю, девочка. Ты отличная актриса, и если уж тебе не удастся скрыть свои эмоции, значит, они тебя переполняют. Вот мне и стало любопытно, почему название антикварной фирмы вызвало столько эмоций.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.